

Пугающе правдоподобная
история домашнего террора.
Associated Press

Б. Э. ПЭРИС

ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Б. Э. Пэрис

За закрытой дверью

Издательство «Синдбад»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пэрис Б.

За закрытой дверью / Б. Пэрис — Издательство «Синдбад», 2016

ISBN 978-5-00131-016-7

Жизнь Джека и Грейс Энджел, недавно ставших мужем и женой, представляется идеальной. Джек – увлеченный своей профессией адвокат, не проигравший ни одного дела. Грейс – счастливая домохозяйка и безупречная хранительница домашнего очага, она прекрасно готовит и умело ухаживает за садом. Кажется, в их жизни есть все. Их званые вечера проходят на высшем уровне, их дом поражает уютом и идеальным порядком... Но что происходит в нем, когда входная дверь закрывается за последним гостем?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-00131-016-7

© Пэрис Б., 2016
© Издательство «Синдбад», 2016

Содержание

Настоящее	6
Прошлое	15
Настоящее	21
Прошлое	24
Настоящее	29
Прошлое	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Б. Э. Пэрис

За закрытой дверью

Посвящается моим дочерям – Софи, Хлое, Селин, Элоизе и Марго

B. A. Paris

BEHIND CLOSE DOORS

Copyright © Bernadette MacDougall

Иллюстрации на обложке:

Jiri Hodecek / AVN Photo Lab / Glevalex/ shutterstock.com

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2018

Настоящее

Бутылка шампанского со стуком опускается на мраморный кухонный стол. Я вздрагиваю от неожиданности. Украдкой смотрю на Джека: только бы не догадался, что у меня нервы на пределе. Перехватив мой взгляд, он улыбается и негромко произносит:

– Превосходно!

Потом берет меня за руку и ведет к заждавшимся гостям. Мы идем через холл, и я замечаю цветущие лилии – Диана и Адам принесли их для нашего сада. Прекрасный розовый цвет. Может, Джек посадит их так, чтобы было видно из окна спальни? При мысли о саде подступают слезы, я поспешно сглатываю их. Нельзя отвлекаться: слишком многое сегодня поставлено на карту.

В гостиной за антикварной каминной решеткой весь вечер горит огонь. Уже март, но на улице сырость и холод, и Джек хочет, чтобы гостям было уютно.

– Шикарный дом, Джек, просто слов нет! – восторгается Руфус. – Правда, Эстер?

Ни Эстер, ни Руфуса я не знаю. Они переехали недавно, и сегодня я вижу их впервые, так что очень волнуюсь. Но нельзя подводить Джека, и я натягиваю на лицо улыбку. Я должна их очаровать. Эстер не улыбается в ответ – вероятно, решила повременить с оценкой. Ничего удивительного: за месяц наши друзья наверняка все уши прожужжали ей о Грейс Энджел – супруге блестящего адвоката Джека Энджела и редком типе женщины, у которой все идеально: дом, муж, жизнь. На ее месте я бы тоже насторожилась.

Эстер достает из сумки коробку дорогих шоколадных конфет, и меня охватывает волнение. Только бы не отдала их Джеку! Слегка подаюсь вперед, и она машинально протягивает коробку мне.

– Какие красивые! Большое спасибо! – благодарю я и кладу коробку на кофейный столик. Открою, когда будем пить кофе.

Эстер меня озадачила. Полная противоположность Диане: высокая, худая, светловолосая и очень сдержанная. Первый человек, который, переступив порог нашего дома, не стал разливаться соловьем о том, как тут все прекрасно. Невольно проникнешься уважением! Джек настоял на том, чтобы самому выбрать дом: сделать мне такой свадебный подарок. Я увидела его уже после медового месяца. Джек говорил, что нашел нам идеальное жилье, но лишь после переезда я поняла, что это значит. Дом на окраине городка, посреди огромного участка, дал Джеку уединение, к которому он так стремился, и заодно закрепил за ним славу владельца самого красивого жилища во всем Спринг-Итоне. А еще – самого безопасного: со сложнейшей системой охраны и стальными ставнями на окнах первого этажа. Кому-то кажется странным, что ставни закрыты с утра до вечера, но всем любопытным Джек говорит одно: с его работой безопасность должна быть превыше всего.

На стенах в гостиной много картин, но гостей всегда притягивает большой красный холст над камином. Диана с Адамом его уже видели, но решают взглянуть еще раз. Руфус присоединяется к ним, а Эстер усаживается на один из кожаных диванов кремового цвета.

– Потрясающе! – восклицает Руфус, зачарованно разглядывая полотно, почти сплошь покрытое крошечными пятнышками.

– Называется «Светлячки», – небрежно поясняет Джек, раскручивая мюзле на шампанском.

– В жизни не видел ничего подобного!

– Это Грейс нарисовала! – сообщает Диана. – Представляешь?

– Вы еще не видели другие работы. – Пробка с легким щелчком выскакивает из бутылки. – Настоящие шедевры!

– Они здесь? – Руфус с интересом оглядывает комнату.

– Увы, нет. Висят наверху.

– Чтобы только Джек мог любоваться, – подмигивает Адам.

– И сама художница. Да, дорогая? – Джек улыбается мне. – Только для наших с тобой глаз.

– Да, – отвечаю я, отводя взгляд.

Все рассаживаются на диване, где уже устроилась Эстер. Джек разливает шампанское в высокие бокалы, а Диана постанывает в предвкушении.

– Тебе уже лучше? – спрашивает она меня и, повернувшись к Эстер, объясняет: – Вчера Грейс плохо себя чувствовала и не смогла со мной пообедать.

– Обычная мигрень, – отмахиваюсь я.

– Но она, к сожалению, мучает тебя слишком часто. – Джек смотрит на меня сочувственно. – Слава богу, недолго.

– Ты уже два раза не приходила! – обижается Диана.

– Извини, пожалуйста.

– Но на этот раз ты хотя бы не забыла. Прогресс! – шутит она. – Предлагаю встретиться в следующую пятницу и наверстать упущенное. Надеюсь, ты не занята? Не собираешься к какому-нибудь стоматологу, о котором вспомнишь в последний момент?

– Нет, и мигреней тоже не планирую. Во всяком случае, пока.

Диана поворачивается к Эстер:

– Эстер, хочешь с нами? Я буду после работы, так что предлагаю найти местечко в центре.

– Я? Хочу. Спасибо за приглашение! – Эстер бросает на меня быстрый взгляд – очевидно, пытаюсь понять, не против ли я; улыбаюсь в ответ, чувствуя себя бесконечно виноватой: ведь я уже знаю, что не приду.

Джек просит общего внимания и произносит тост в честь Эстер и Руфуса – рад приветствовать их в наших краях. Поднимаю бокал и делаю глоток шампанского. Пузырьки прыгают во рту, и меня вдруг пронзает ощущение абсолютного счастья; пытаюсь задержать его, но безуспешно: оно исчезает так же внезапно, как возникло.

Теперь Джек оживленно беседует с Руфусом. Джек и Адам познакомились с ним в гольф-клубе недели две назад и предложили сыграть вместе партию. Руфус оказался отличным игроком – но не таким блестящим, как Джек, – и вот они с Эстер получили приглашение к нам на ужин. Джек из кожи вон лезет, чтобы произвести на Руфуса впечатление. Значит, я должна завоевать Эстер, а это задача не из легких. Диана готова восторгаться по любому поводу, но Эстер совсем не так проста.

Извинившись, ухожу на кухню за канапе, которые приготовила заранее. Осталось добавить последний штрих. Правила этикета – а в них Джек истинный педант – не позволяют оставлять гостей надолго. Не теряя времени, хватаю миску с белками, взбиваю их в крепкую пену и добавляю в заготовку для суфле.

Волнуясь, поглядываю на часы, раскладываю суфле по формочкам, ставлю на водяную баню и отправляю в духовку. Засаею время. На мгновение меня охватывает паника: вдруг где-нибудь напортачу? У страха глаза велики – говорю себе и, пытаюсь сохранять спокойствие, возвращаюсь в гостиную с подносом канапе. Обхожу гостей и громко благодарю за комплименты: Джек должен слышать. Чмокнув меня в лоб, он без колебаний соглашается с Дианой, что я восхитительно готовлю. Выдыхаю с облегчением.

Теперь нужно вернуться к Эстер. Сажусь рядом с ней на диван. Джек, заметив это, забирает у меня канапе.

– Отдохни, любимая, ты сегодня намучилась с готовкой, – ласково произносит он, удерживая поднос на длинных тонких пальцах.

– Какое же это мучение? Одно удовольствие! – возражаю я, но Джек знает, что это ложь: он сам выбирал меню на вечер.

Задаю Эстер дежурные вопросы: освоилась ли она на новом месте, скучает ли по Кенту, освоились ли дети в школе. Похоже, моя осведомленность ее утомляет; интересно почему. Делаю ход конем и расспрашиваю, как зовут детей, хотя и так знаю: сын Себастьян и дочка Эйслин (знаю и возраст – семь и пять, но не признаюсь в этом). Джек, который ловит каждое слово, будет теперь гадать, что за игру я затеяла.

– У вас ведь нет детей? – полуутвердительно спрашивает Эстер.

– Нет, пока нет. Думаем подождать с этим года два, а пока наслаждаемся обществом друг друга.

– Да? А вы разве недавно женаты? – ее голос выдает неприкрытое удивление.

– Всего год.

– На прошлой неделе как раз была годовщина, – встревает Диана.

– И я пока не готов делить свою красавицу-жену с кем-то еще! – заявляет Джек, подливая ей шампанского.

Забывшись на мгновение, рассеянно смотрю на крошечные брызги, которые вылетают из бокала и оставляют пятнышки на его безукоризненных брюках. Между тем любопытство Эстер только разгорается:

– Можно нескромный вопрос? Кто-то из вас уже был в браке?

Ей, конечно, хочется услышать утвердительный ответ: убедиться, что мы не такие уж идеальные, если где-то в прошлом остались несчастные экс-супруги.

– Нет, – отвечаю я.

Эстер бросает быстрый взгляд на Джека. Ясно, о чем она думает: как такому красавцу до сих пор удавалось избежать брачных уз? Заметив ее реакцию, Джек добродушно улыбается:

– Честно говоря, к сорока годам я уже отчаялся найти вторую половинку. Но как только увидел Грейс, сразу понял: вот та, кого я ждал!

– Ужасно романтично! – вздыхает Диана, которая сто раз слышала историю нашего знакомства. – Скольких девушек я с ним познакомила – и не сосчитать! Но ему никто не нравился, пока он не встретил Грейс.

– А ты, Грейс? – спрашивает Эстер. – Ты тоже влюбилась с первого взгляда?

– Да, – отвечаю я, воскрешая в памяти ту встречу. – Я тоже.

Меня переполняют воспоминания. Поднимаюсь с дивана – чуть быстрее, чем следует, – и Джек тут же поворачивается ко мне.

– Суфле, – объясняю я. – Пора его доставать. Готовы садиться за стол?

Диана всех подгоняет: суфле дожидаться не будет. Гости, поспешно осушив бокалы, направляются к обеденному столу. Эстер останавливается взглянуть на «Светлячков». Джек присоединяется; он не торопит ее, и я облегченно выдыхаю: суфле еще не готово. Это хорошо – из-за задержки я бы расплакалась, слушая, как он подробно описывает техники, использованные в картине.

Минут через пять все наконец усаживаются за стол. Суфле готово. Диана изумляется такой точности; Джек, улыбаясь мне с противоположного конца стола, во всеуслышание заявляет, что я очень умна.

В такие вечера я убеждаюсь, что не влюбиться в Джека было невозможно. Интересный, умный, обаятельный; всегда точно знает, что и как сказать. Пока мы едим суфле, он ведет беседу так, чтобы Эстер и Руфусу – новичкам в нашей компании – тоже было не скучно. Непринужденно интересуется у Дианы с Адамом, где лучше покупать продукты и заниматься спортом. Они говорят о любимых развлечениях, перечисляют имена садовников и нянь, советуют рыбный магазин. Эстер вежливо слушает, но я вижу, что на самом деле ее интересует я – и она при первой возможности вернется к разговору о нашем позднем браке. Ей хочется найти хоть какой-то изъян – доказательство того, что все не так идеально, как кажется. Бесплодные надежды!

Эстер ждет, пока Джек разрежет «Биф Веллингтон».¹ На гарнир у нас картофель по-французски, морковь в медовой глазури и маленькие стручки сахарного горошка – я обдала их кипятком как раз перед тем, как вытащить из духовки мясо. Диана изумляется: как же все блюда приготовились одновременно? Сама она всегда делает что-то простенькое вроде карри – можно приготовить заранее, а потом просто разогреть. Ха! На ее месте я бы тоже готовила что-нибудь незамысловатое! Утомительные расчеты и бессонные ночи – вот моя плата за совершенство. Но другого выхода у меня нет: угощение должно быть безупречным.

– А где вы с Джеком познакомились? – интересуется Эстер.

– В Риджентс-парке. Одним прекрасным воскресным днем, – отвечаю я.

– Расскажи ей, как все было! – требует раскрасневшаяся от шампанского Диана.

Не знаю, как быть: я ведь уже рассказывала. Но Джеку нравится слушать, так что повторить эту историю – в моих интересах... Меня выручает Эстер, решившая, наверно, что я просто скромничаю.

– Да, расскажи, пожалуйста! – просит она.

– Хорошо. Надеюсь не сильно утомить тех, кто уже слышал, – начинаю я с извиняющейся улыбкой. – Мы с Милли (это моя сестра) гуляли в Риджентс-парке. Мы вообще часто ходим туда по воскресеньям. В тот раз там был небольшой концерт. Милли обожает музыку, и концерт ей так понравился, что она вскочила со стула, подбежала к сцене и стала танцевать. Вытянула перед собой руки, словно положив их на плечи партнеру. Она как раз тогда ходила на уроки вальса. – Я улыбаюсь, представляя эту картину; боже, я все бы отдала, чтобы моя жизнь снова стала такой легкой и беззаботной! – Люди были снисходительны: хорошо, когда кто-то счастлив. Но некоторые явно чувствовали себя не в своей тарелке, и я понимала, что нужно что-то сделать – позвать Милли, попросить ее вернуться на место. Но какая-то часть меня сопротивлялась, потому что...

– А сколько ей лет? – перебивает Эстер.

– Семнадцать, – отвечаю я и, помедлив (не хочу возвращаться к реальности!), добавляю: – Вот-вот будет восемнадцать.

Эстер удивленно поднимает бровь:

– Похоже, она любит привлекать внимание?

– Нет, она не любит... она просто...

– Ну как же! По-моему, люди на таких концертах обычно не вскакивают с мест и не принимаются танцевать! – Эстер торжествующе оглядывает гостей, но никто не смотрит ей в глаза. Бедная Эстер.

– Дело в том, что у Милли синдром Дауна, – объясняет Джек, прерывая неловкую паузу. – Поэтому она часто бывает столь очаровательно непосредственной.

Эстер явно смущена. Похоже, о Милли ей рассказать не успели.

– Так вот, пока я решала, что делать, – продолжаю я, спеша устранить неловкость, – этот безупречный джентльмен поднимается с места, подходит к танцующей Милли, кланяется и предлагает ей руку. Милли в восторге; они вальсируют, публика аплодирует, и еще несколько пар принимаются танцевать. Это было прекрасно! Конечно, я сразу влюбилась в Джека.

– Грейс тогда еще не знала, что за неделю до этого я видел их с Милли в парке и тоже сразу влюбился. Меня поразило, как она внимательна к сестре, восхитила ее самоотверженность. Я впервые видел такую преданность и решил обязательно познакомиться.

– А Джек тогда еще не знал, – подхватываю я, – что неделю назад я тоже видела его в парке. Но мне и в голову не пришло, что я могу его заинтересовать.

¹ «Биф Веллингтон» – мясо, запеченное в слоеном тесте.

Забавно смотреть, как все согласно кивают. Конечно, я выгляжу неплохо – но даже по сравнению со мной Джек просто кинозвезда. И люди считают, что мне крупно повезло, раз он взял меня в жены. Но я имела в виду другое.

– У Грейс нет других сестер и братьев, и когда-нибудь ей одной придется опекать Милли. Она думала, что меня это напугает, – поясняет Джек.

– Как пугало всех, – уточняю я.

Джек мотает головой:

– Как раз наоборот! Когда я увидел, что Грейс на все готова ради Милли, сразу понял: вот женщина, которую я искал столько лет! С моей работой вечно разочаровываешься в людях.

– Судя по газетам, тебя снова можно поздравить? – Руфус, кивая Джеку, поднимает бокал.

– Да, отлично потрудились! – подхватывает Адам, который работает с Джеком в одной конторе. Он тоже адвокат. – Еще один приговор в твоей копилке!

– Ну, история довольно типичная, – скромничает Джек. – Правда, клиентка склонна к членовредительству, так что непросто было доказать, что она не сама себя била.

– Но дела о нанесении телесных повреждений вообще не такие уж сложные. Или я не прав? – спрашивает Руфус, пока Диана рассказывает Эстер (если вдруг та еще не знает), что Джек защищает женщин, пострадавших от домашнего насилия. – Я вовсе не хочу умалять твои заслуги, Джек, но ведь обычно остаются следы на теле, находятся свидетели...

– У Джека талант – он умеет расположить к себе клиентов, и они все ему рассказывают, – объясняет Диана. А она, кажется, равнодушна к Джеку. – Женщинам часто не к кому обратиться. Они боятся, что им не поверят.

– А еще он всегда старается выбить максимальный срок, – добавляет Адам.

– Мужчин, виновных в домашнем насилии, можно лишь презирать, – жестко произносит Джек. – Они получают по заслугам.

– Выпьем за это! – Руфус снова поднимает бокал.

– Джек еще ни одного дела не проиграл. Правда, Джек? – спрашивает Диана.

– Не проиграл и не собираюсь.

– Беспроигрышный послужной список? Вот это да... – задумчиво тянет Руфус. Он явно потрясен.

Эстер смотрит на меня через стол.

– Твоя сестра Милли намного младше тебя? – замечает она, возвращаясь к прерванному разговору.

– Да, на семнадцать лет. Когда она появилась, маме было уже сорок шесть. Мама даже не сразу поняла, что беременна. Она была в шоке и никак не могла в это поверить.

– Милли живет с родителями?

– Нет, в одной замечательной школе-пансионе в Северном Лондоне. Правда, летом ее придется оттуда забрать, потому что в апреле ей исполнится восемнадцать. Очень жаль. Ей там ужасно нравится.

– И где она будет жить? У родителей?

– Нет... – Так, сейчас я ее шокирую. Делаю паузу, оттягивая момент. – Родители живут в Новой Зеландии.

– В Новой Зеландии?! – Кажется, она не поверила своим ушам.

– Да, уехали туда год назад, сразу после нашей свадьбы.

– Понятно... – тянет Эстер, хотя, конечно, ничего ей не понятно.

– Милли переедет к нам, – вступает Джек, глядя на меня с улыбкой. – Я знал, что Грейс выйдет за меня только при таком условии. И я более чем счастлив выполнить уговор.

– Это очень благородно с твоей стороны, – говорит Эстер.

– Вовсе нет. Мне приятно думать, что Милли будет жить в этом доме. Наша жизнь заиграет новыми красками – правда, милая?

Поднимаю бокал вина и делаю глоток, чтобы не отвечать.

– Похоже, вы с Милли нашли общий язык? – интересуется Эстер.

– Ну, лично мне Милли очень нравится. Надеюсь, это взаимно. Надо сказать, когда мы с Грейс поженились, Милли долго дулась на меня.

– Почему?

– Она, похоже, не понимала, что после свадьбы все станет немного по-другому, – объясняю я. – Сначала она была без ума от Джека. Но потом, когда мы вернулись из свадебного путешествия и оказалось, что теперь он все время со мной, начала ревновать. Правда, сейчас уже все в порядке: Джек снова ее завоевал.

– Мне повезло: вместо меня ее гнев обратился на Джорджа Клуни! – смеется Джек.

– На Джорджа Клуни?!

– Ага, – киваю я. Хорошо, что он об этом вспомнил. – Я всегда питала к нему слабость...

– А кто не питал?.. – усмехается Диана.

– Милли меня к нему ревновала и, когда друзья подарили мне на Рождество календарь с его фотографиями, написала на обложке: «Я не люблю Джорджа Клуни»! Вернее, не «Джорджа Клуни», а «Джожа Куни», потому что плохо выговаривает некоторые звуки, а пишет ровно так, как говорит. Это было очень забавно.

Все смеются.

– И теперь она при каждом удобном случае сообщает, что любит меня, но не любит его, – улыбается Джек. – Похоже на какое-то заклинание: «Джек, я тебя люблю. Но я не люблю Джорджа Клуни». Должен признать, очень лестно быть упомянутым в такой компании... – прибавляет он, скромно потупившись.

– А знаешь, ты даже похож на него немного, – говорит Эстер, разглядывая Джека.

– Да, только Джек гораздо красивее, – замечает Адам. – Ты не представляешь, как спокойней всем стало, когда он женился! Женщины у нас в офисе наконец-то обуздали свои эротические фантазии. Да и некоторые мужчины тоже, – со смехом прибавляет он.

Джек добродушно вздыхает:

– Ну хватит, Адам!

– Грейс, ты ведь не работаешь? – продолжает Эстер свой допрос.

В ее голосе слышится плохо скрываемое пренебрежение, с которым работающие женщины обычно обращаются к домохозяйкам. Приходится объяснять:

– Сейчас нет. Я уволилась перед самой свадьбой.

– Правда? Но почему? – Она удивленно поднимает брови.

– Грейс не хотела увольняться, – вмешивается Джек, – но работа у нее была просто адская. Я сам приходил домой совершенно вымотанным и не хотел, чтобы меня встречала такая же уставшая жена. Так что я ее уговорил. Может, это эгоистично с моей стороны, но дома я предпочитаю расслабляться, а не тратить нервы. К тому же Грейс постоянно ездила в командировки, и мне совсем не хотелось по вечерам возвращаться в пустой дом, будто я все еще холостяк.

– А чем ты занималась? – спрашивает Эстер, не спуская с меня светло-голубых глаз.

– Работала агентом по закупкам в «Харродсе».²

Эстер впечатлена – это видно по ее взгляду. Но вопросов больше не задает: похоже, пока не хочет показывать свой интерес.

– Грейс ездила первым классом по всему миру! – с придыханием сообщает Диана.

² «Харродс» – один из самых престижных универмагов Лондона.

– Не по всему, – поправляю я. – Только по Южной Америке. Фрукты закупала чаще всего в Аргентине и Чили, – объясняю я для Эстер.

– Наверно, очень интересно было! – восторженно восклицает Руфус.

– Да уж, это точно, – признаю я. – Я там наслаждалась каждой минутой.

– Значит, ты очень скучаешь по работе, – подытоживает Эстер.

– Да нет, не особенно (ложь!). – У меня теперь и здесь полно занятий.

– А скоро еще и о Милли придется заботиться.

– На самом деле Милли довольно самостоятельна. К тому же днем она будет занята: ее берут на работу в «Мидоу-Гейт».

– В садовый центр?

– Да, она обожает цветы и вообще растения, так что для нее это идеальный вариант.

– Тогда что же ты будешь делать целыми днями?

– Примерно то же, что и сейчас. Готовить, убирать и так далее. Возиться в саду, когда погода позволит.

– Приезжай к нам как-нибудь в воскресенье обедать, посмотришь наш сад, – встречает Джек. – Грейс просто волшебница.

– С ума сойти, сколько талантов, – небрежно произносит Эстер. – А я так рада, что меня взяли в эту католическую школу! До ужаса надоело сидеть в четырех стенах.

– Когда приступаешь?

– В апреле. Заменяю учительницу, которая уходит в декрет.

– Джек говорил, у вас огромный сад, – подкидываю я Руфусу новую тему. Потом беру с блюда еще кусок. Мясо еще теплое: блюдо стояло под крышечкой, а овощи грели по бокам. Обо мне, к счастью, временно забыли, и теперь беседа крутится вокруг ландшафтного дизайна. Все смеются и говорят одновременно, а я задумчиво гляжу на Диану с Эстер и пытаюсь представить, каково это – быть ими. Не иметь на попечении кого-то вроде Милли. И тут же чувствую вину: ведь я люблю ее больше жизни и никакой другой сестры мне не надо! Мысль о Милли помогает собраться с духом. Решительно встаю:

– Готовы к десерту?

Мы с Джеком убираем со стола, и он сопровождает меня на кухню. Пока я осторожно выгружаю тарелки в раковину (мыть будем потом), он забирает разделочный нож. Десерт вышел превосходный: идеальные, без единой трещинки корзиночки из безе со взбитыми сливками, три дюйма в высоту. Достая заранее приготовленные фрукты и аккуратно раскладываю по корзиночкам кусочки манго, ананаса, папайи и киви. Добавляю сверху клубнику, малину и ежевику.

Беру гранат. Пальцы чувствуют шершавую кожуру, и я мысленно переношусь в ту, другую жизнь, где теплое солнце ласкало мое лицо, а вокруг стоял гул возбужденных голосов, и все это я толком не умела ценить. На секунду прикрываю глаза, отдавшись воспоминаниям.

Джек ждет. Уже и руку протянул. Передаю ему гранат, он разрезает его пополам и возвращает мне. Выгребаю ложкой ядрышки и разбрасываю их поверх других фруктов. Готово. Несу блюдо в столовую, где его встречают восхищенными возгласами. Значит, Джек не ошибся, когда забраковал мой вариант – шоколадные кексы с каштанами.

– Не поверишь, но Грейс никогда не ходила на кулинарные курсы! – говорит Диана, обращаясь к Эстер. – Даже жалко есть эту красоту, честное слово! – прибавляет она, берясь за ложку. – Так я никогда не влезу в новое бикини... – Она со вздохом хлопывает себя по животу, обтянутому темно-синей льняной тканью. – Мы как раз купили путевки на лето, так что мне не стоит это есть. Но я не могу удержаться. Это божественно!

– А куда вы едете? – спрашивает Руфус.

– В Таиланд, – отвечает Адам. – Собирались во Вьетнам, но увидели тайские фотографии Грейс и Джека и решили, что Вьетнам подождет до следующего года. Диана при виде их отеля сразу загорелась. – Он расплывается в улыбке, глядя на жену.

– Значит, вы поселитесь в том же отеле?

– Нет, там уже не было мест. У нас, к сожалению, жесткие рамки: можем поехать только во время школьных каникул.

– Что ж – нужно выжимать максимум из того, что есть, – произносит Эстер, снова поворачиваясь ко мне.

– Согласна.

– А вы еще поедете в Таиланд в этом году? – интересуется Адам.

– Только если успеем до июня, – отвечает Джек. – Но это вряд ли: у меня намечается дело Томазина. Ну а потом сюда приедет Милли, – добавляет он, многозначительно глядя на меня.

Я замираю от страха. Только бы никому не пришло в голову, что мы можем подождать и взять Милли с собой.

– Томазина? – переспрашивает Руфус, подняв брови. – Я что-то такое слышал... Его жена – твоя клиентка?

– Да.

– Дена Андерсон... – бормочет тот. – Да, это, наверно, будет очень интересное дело!

– Безусловно, – отзывается Джек и переводит глаза на меня. – Любимая, я смотрю, все уже поели; покажешь Эстер наши последние тайские фотографии?

Сердце проваливается куда-то вниз.

– Вряд ли Эстер это интересно, – отвечаю я, стараясь придать голосу небрежность. Но Эстер тут же хватается за этот пустяковый намек на супружеские разногласия.

– Почему же? Я посмотрю с удовольствием! – восклицает она.

Отодвинув стул, Джек поднимается из-за стола и достает из ящика альбом.

– Давайте перейдем в гостиную, – говорит он, протягивая его Эстер. – Там удобнее. А пока вы смотрите фотографии, мы с Грейс приготовим кофе.

Когда мы возвращаемся с кофейным подносом, Диана щебечет над фотоальбомом – в противоположность Эстер, которая почти не раскрывает рта.

Снимки и правда великолепные. Я выгляжу безупречно: соблазнительно загоревшая, стройная, как в двадцать, и всякий раз в новом бикини. Стою на фоне роскошного отеля или лежу на частном пляже. Или сижу в ресторане, а передо мной на столике – бокал с ярким коктейлем и тарелка с экзотическими фруктами. Улыбаюсь в камеру. Расслабленная, полная неги женщина, безумно влюбленная в мужа. В том, что касается фотографий, Джек страшный перфекционист: готов бесконечно переснимать один и тот же кадр, если ему что-то не нравится. Но у меня уже получается с первого раза. Кое-где мы с ним вдвоем – просили кого-нибудь нас сфотографировать. Диана со смехом отмечает, что мы там не в камеру смотрим, а пожираем друг друга влюбленными глазами.

Джек разливает кофе.

– Кто хочет конфет? – спрашиваю я и как можно непринужденнее тянусь к коробке, которую принесла Эстер.

– По-моему, все уже объелись, – заявляет Джек, обводя глазами гостей.

– Не то слово! – соглашается Руфус.

– Я сейчас лопну! – стонет Адам.

– Тогда я их уберу: откроем в другой раз.

Джек протягивает руку к конфетам, и я уже готова смириться с тем, что больше их не увижу, но меня спасает Диана:

– А я вполне могу съесть одну. А может, даже две.

– Кажется, напоминать о бикини бессмысленно... – Адам качает головой в притворном отчаянии.

– Абсолютно! – соглашается Диана и, взяв конфету, передает коробку мне.

Я тоже беру конфету и тут же отправляю ее в рот. Протягиваю коробку Эстер, но она отказывается. Достāju еще одну конфету и возвращаю коробку Диане.

– Как ты это делаешь? – спрашивает она, изумленно уставившись на меня.

– Что делаю?

– Столько ешь и не толстеешь!

– Везение, – беру третью конфету. – Ну и контроль.

Половина двенадцатого. Эстер предлагает расходиться по домам. В холле Джек выдает гостям пальто, и, пока он одевает Диану и Эстер, я соглашаюсь пообедать с ними в пятницу. В половине первого в «Chez Louis». Диана обнимает меня. Пожимаю руку Эстер и говорю, что с нетерпением жду встречи в пятницу. Мужчины целуют меня на прощанье; все наперебой благодарят нас за прекрасный вечер. Слово «прекрасно» произносится столько раз, что, когда Джек закрывает дверь, я уже знаю: сегодня победа за мной. Осталось убедиться, что и он это понял.

– Завтра выходим в одиннадцать, – говорю я. – Чтобы не опоздать к Милли.

Прошлое

Моя идеальная жизнь началась полтора года назад – в тот самый день, когда Джек танцевал с Милли в парке. В целом я рассказала Эстер правду: я действительно видела его в парке за неделю до того и действительно не думала, что он мною заинтересуется. Во-первых, он был просто сногшибателен, а я тогда выглядела хуже, чем сейчас. А во-вторых – у меня ведь была Милли.

Иногда я предупреждала мужчин сразу. Иногда – если была сильно влюблена – поначалу лишь вскользь упоминала о младшей сестре, живущей в школе-пансионе, а о синдроме Дауна сообщала, например, через месяц. Некоторые после этого теряли дар речи. Впрочем, они испарялись так быстро, что все равно не успели бы сказать ничего путного. Другие, казалось, все понимали и сочувствовали – но только до первой встречи с Милли. В отличие от Джека они не считали ее непосредственностью такой уж восхитительной. Двое после знакомства с Милли продержались довольно долго, но и они в итоге исчезли, не пожелав оставаться для меня на втором месте.

Я давным-давно пообещала взять Милли к себе, когда ее обучение в этой замечательной, но безумно дорогой школе закончится, и не собиралась ее подводить. Так что сценарий раз от разу повторялся. За полгода до встречи с Джеком мне пришлось расстаться с Алексом, с которым мы счастливо прожили два года. Я надеялась, что мы будем вместе всю оставшуюся жизнь, но, когда Милли исполнилось шестнадцать, неизбежность ее появления начала его угнетать. Так в тридцать два года я снова осталась одна. Шансы встретить мужчину, готового принять Милли в качестве «приданого», таяли на глазах.

В тот день в парке на Джека не смотрел только слепой. Наверно, лишь я одна не пялилась на него в открытую. Молодые женщины призывно улыбались, стараясь привлечь его внимание. Девчонки хихикали в кулак и возбужденно шептали друг другу, что он, должно быть, актер. Дамы в возрасте, одаривая его одобрительными взглядами, поворачивались к своим спутникам и смотрели на них с некоторым разочарованием. Равнодушными не остались даже мужчины; Джек шел по парку с таким непринужденным изяществом, что им нельзя было не залюбоваться. Одна Милли пребывала в блаженном неведении: когда мы играем в карты, она может думать только о победе.

Стоял конец августа. Мы с Милли, как и многие, расположились на траве неподалеку от эстрады. Я украдкой наблюдала, как Джек направляется к свободной скамейке. Потом он достал из кармана книгу, и я снова переключилась на Милли: не хватало еще, чтобы он заметил. Пока Милли в очередной раз сдавала карты, я гадала: иностранец? Может, итальянец? Наверно, приехал в Лондон на выходные с женой и детьми; они сейчас любят достопримечательностями и скоро к нему присоединятся.

Казалось, он ни разу не взглянул в мою сторону и никак не реагировал на радостные вопли выигравшей Милли. Вскоре мы засобирались: нужно было отвести ее в школу к шести, чтобы в семь она успела на ужин. Я не думала, что когда-нибудь еще увижу джентльмена из парка, но его образ постоянно стоял у меня перед глазами; я даже начала воображать, будто он не женат, заметил меня в парке, влюбился и решил прийти в следующее воскресенье в надежде на новую встречу. А ведь у меня со школы не было подобных романтических фантазий! Вот что бывает, когда отчаиваешься выйти замуж и создать семью. Конечно, ради Милли я была готова на все, однако мне всегда представлялось, что к моменту ее выпуска из пансиона у меня уже будут дети и Милли дополнит мою семью, а не скрасит мне одиночество. Я любила ее больше жизни, но перспектива вечно жить с ней вдвоем просто ужасала.

В следующее воскресенье, когда в парке был концерт, я не замечала Джека, пока он не подошел к Милли, которая увлеченно вальсировала, держа руки на плечах воображаемого

партнера. В такие моменты Милли вызывает у меня противоречивые чувства, и мне сложно с ними разобраться. Помню, я ужасно гордилась ее успехами в танцах и была готова защищать ее как львица. За спиной слышался смешок, и я убеждала себя, что он наверняка одобрительный, – а если и нет, то это все равно не расстроит Милли. В то же время мне ужасно хотелось встать и отвести ее на место, и я ненавидела себя за это и, по-моему, впервые отчаянно хотела иметь нормальную сестру. В голове замелькали картинки из нашей – моей – возможной жизни. На глаза навернулись злые слезы; я заморгала, чтобы смахнуть их, и вдруг увидела, как к Милли приближается Джек.

Сначала я его не узнала. Решила, что сейчас он попросит Милли сесть, и вскочила со стула, приготовившись к бою. Тут он поклонился, предложил ей руку, и меня как током ударило: это же о нем я мечтала всю неделю! Когда после двух танцев он проводил Милли на место, я уже была от него без ума.

– Не занято? – спросил он, указывая на соседний стул.

– Нет-нет, садитесь, пожалуйста! – Я благодарно улыбнулась. – Спасибо вам огромное.

Это было так мило – пригласить Милли на танец!

– Совершенно не за что. Милли прекрасно танцует.

– Хороший человек! – заявила сияющая Милли.

– Джек, – подсказал он.

– Хороший Джек!

– Пожалуй, лучше представиться как следует. – Он протянул мне руку: – Джек Энджел.

– Грейс Харрингтон, – ответила я, пожав ее. – Милли – моя сестра. Вы тут отдыхаете?

– Нет, я здесь живу.

Я ждала, что он добавит: «с женой и детьми», но этого не произошло. Взглянула на его левую руку. Кольца не было, и меня охватила такая эйфория, что пришлось себя убедить: это еще ничего не значит.

– А вы? – спросил он. – Вы с Милли приезжие?

– Нет, я живу в Уимблдоне. А по выходным мы часто ходим сюда.

– Вы живете вместе?

– Нет, Милли живет в школе-пансионе. Я стараюсь навещать ее по выходным, но получается не всегда. Много командировок. К счастью, нам повезло с воспитателем: замечательная женщина, подменяет меня, когда я занята. Родители, конечно, тоже помогают.

– Командировки – это интересно. Чем занимаетесь, если не секрет?

– Закупаю фрукты. – Джек удивленно поднял брови. – Для «Харродса».

– А командировки зачем?

– Привожу товар из Аргентины и Чили.

– Здорово, наверное!

– Не то слово. А вы чем занимаетесь?

– Я адвокат.

Милли, устав слушать нашу беседу, потянула меня за рукав:

– Пить, Грейс. И мороженое. Жарко.

Я взглянула на него с виноватой улыбкой:

– Думаю, нам пора. Еще раз спасибо за Милли.

– Позвольте угостить вас чаем! – Он наклонился, чтобы лучше видеть Милли, сидевшую с другой стороны от меня. – Что скажешь, Милли? Будешь чай?

– Сок, – просияла та. – Я люблю сок. Но я не люблю чай.

– Прекрасно, пусть будет сок, – подытожил он, поднимаясь. – Ну что, идем?

– Ну что вы, не стоит... – бормотала я. – Вы и так уже много сделали...

– Прошу вас! Мне будет приятно. – Он снова склонился к Милли: – Милли, ты любишь пирожные?

– Да! – закивала она возбужденно. – Пирожные!

– Тогда идем!

Втроем – Милли и я под руку, Джек рядом – мы двинулись через парк к ресторану. Прощаясь с Джеком часом позже, я пообещала поужинать с ним в ближайший четверг. После этого он вдруг сразу стал частью моей жизни. Потерять голову было легко; взять хотя бы его старомодные манеры – я просто млела, когда он открывал передо мной двери, подавал пальто и посылал цветы. С ним я чувствовала себя особенной. Желанной. И что главное – он обожал Милли.

Месяца через три Джек захотел познакомиться с моими родителями. Я удивилась: ведь я говорила ему, что у меня с ними весьма прохладные отношения. Рассказывая Эстер про Милли, я немного соврала. Родители не хотели второго ребенка и, когда появилась Милли, были ей совсем не рады. В детстве я изводила их, требуя братика или сестричку, так что однажды они усадили меня на стул и прямо заявили, что не хотят больше никаких детей. Спустя десять лет, узнав о беременности, мама пришла в ужас. О том, что она ждет ребенка, я узнала, подслушав их спор о последствиях аборта на позднем сроке. Моему возмущению не было предела – да как они могут! Избавиться от братика или сестрички, которых я ждала всю жизнь!

Мы постоянно ругались. Главным аргументом родителей был возраст мамы: в сорок шесть рожать очень рискованно. Я протестовала: делать аборт на шестом месяце незаконно и вообще смертный грех, а они ведь католики! На моей стороне были Бог и чувство вины; я победила, и мама нехотя согласилась рожать.

Когда Милли родилась и у нее обнаружили синдром Дауна и другие нарушения, я не могла понять реакцию родителей: они испытывали неприязнь, а я сразу полюбила сестру всем сердцем и воспринимала ее как обычного, нормального ребенка. У мамы началась тяжелая депрессия, и я взяла заботы о Милли на себя. Утром, перед школой, кормила ее и меняла пеленки. Приходила домой в обед, и все повторялось. Когда Милли исполнилось три месяца, мама с папой заявили, что отдают ее на усыновление и переезжают в Новую Зеландию, к маминим родителям (они собирались туда чуть ли не с моего рождения). Я закатывала истерики – кричала, что так поступать нельзя, что я не пойду в университет и сама буду сидеть с Милли, но они не слушали. Узнав, что документы на усыновление поданы, я приняла снотворное. Глупость, конечно: детская попытка доказать серьезность своих намерений. Но это почему-то сработало. Мне уже было восемнадцать; мы обратились в службу опеки, и там решили, что я буду заботиться о Милли и растить ее, а родители помогут деньгами.

Я потихоньку справлялась. Вскоре Милли приняли в ближайший детский сад и я устроилась на полставки в отдел закупок сети супермаркетов. Когда Милли исполнилось одиннадцать, ей дали место в спецшколе, которая больше походила на психбольницу. Ужаснувшись, я заявила родителям, что найду что-нибудь получше. Я занималась с Милли каждый день; я научила ее самостоятельности, которую она едва ли обрела бы где-то еще, и я понимала, что интеллекта ей вполне хватает, а нормальной адаптации в обществе мешает только недоразвитая речь.

После долгих утомительных поисков я, наконец, нашла обычную частную школу-интернат для девочек. Милли приняли: директриса оказалась прогрессивной женщиной без предрассудков, имевшей к тому же брата с синдромом Дауна. Школа подходила идеально, но обучение влетало в копеечку. Родителям это было не по карману, и я сказала, что буду платить сама. Я разослала резюме в несколько компаний, объяснив в сопроводительных письмах, почему мне нужна высокооплачиваемая работа. Вскоре меня взяли в «Харродс».

Когда начались регулярные командировки (а я сразу за них ухватилась: они давали ощущение свободы), родители не захотели принимать Милли по выходным одну, без меня. Но они навещали ее в школе, а в остальное время за ней присматривала Дженис, ее воспитатель.

Вскоре замаячила очередная проблема: где жить Милли после окончания школы. Я обещала родителям взять ее к себе, чтобы они могли, наконец, уехать в Новую Зеландию, и они с нетерпением этого ждали. Я не винила их: они по-своему любят нас, как и мы их; просто некоторые не созданы быть родителями.

Джек настаивал: он должен с ними познакомиться. Я позвонила маме и попросила разрешения заехать в ближайшее воскресенье. Был конец ноября. Мы взяли с собой Милли; родители, конечно, встретили нас прохладно, однако безукоризненные манеры Джека произвели на маму впечатление, а отцу польстил интерес к его коллекции первых изданий. После обеда мы уехали. Пока отвезли Милли в школу, наступил вечер. Я засобиравалась домой: мне предстояли два безумных дня на работе перед вылетом в Аргентину. Но когда Джек предложил прогуляться по Риджентс-парку, я тут же согласилась, хотя на улице уже стемнело. На этот раз в командировку не хотелось – с тех пор как мы с Джеком познакомились, мне разонравилось мотаться туда-сюда. Казалось, мы почти не бываем вместе, а если и встречаемся, то чаще в компании Милли или друзей.

Какое-то время мы шли молча. Потом я спросила:

– Как тебе мои родители? Он улыбнулся:

– Прекрасно! Они идеальны!

– В каком смысле? – нахмурилась я. Что за странный выбор слов!

– Они полностью оправдали мои ожидания.

Я взглянула на него испытующе – иронизирует? Не сказать чтобы мама с папой демонстрировали чудеса гостеприимства! Потом я вспомнила, как он рассказывал о чудовищной холодности своих родителей (они умерли несколько лет назад), и поняла: на этом фоне вежливое равнодушие моих родственников показалось ему теплотой.

Мы прошли еще немного – до площадки, где Джек танцевал с Милли. Остановившись, он спросил:

– Грейс, ты окажешь мне честь стать моей женой?

Я решила, что это шутка: все было так неожиданно. Конечно, в глубине души я надеялась, что наши отношения перерастут во что-то большее, – но уж никак не раньше чем через год или два. Будто угадав мои мысли, он притянул меня к себе:

– Я ждал тебя всю жизнь, Грейс. Я понял это в первую же секунду, когда увидел вас с Милли на лужайке, и я не хочу больше ждать. Я хотел познакомиться с твоими родителями, чтобы просить твоей руки. И счастлив, что твой отец с радостью дал согласие.

Я таяла в его объятиях и в душе посмеивалась над отцом, который так легко согласился отдать дочь первому встречному. Но вдруг почувствовала, что на смену ликованию пришла какая-то смутная тревога. «Милли!» – поняла я, и в ту же секунду Джек снова заговорил.

– Прежде чем ты ответишь, Грейс, я кое-что скажу, – произнес он серьезно, и в голове у меня пронеслось: сейчас скажет, что был женат. Или у него есть ребенок. Или он болен чем-то неизлечимым. – Просто хочу, чтобы ты знала, – продолжал он. – В нашем доме – где бы мы с тобой ни жили – всегда будет место для Милли.

– Ты не представляешь, как это важно для меня! – Мои глаза наполнились слезами. – Спасибо!

– Так ты выйдешь за меня?

– Конечно!

Джек достал из кармана кольцо и, держа мою руку в своей, стал надевать его мне на палец.

– А когда? – прошептал он.

– Когда скажешь, – ответила я и взглянула на бриллиант. – Джек, оно великолепно!

– Рад, что тебе нравится. Давай поженимся в марте?

– В марте?! – рассмеялась я. – Но мы же не успеем все подготовить!

– Успеем. У меня есть на примете место для банкета – загородный дом в Крэнли-парке. Хозяин – мой приятель. Вообще-то он устраивает там торжества только для близких, но я уверен, что мы договоримся.

– Отличный вариант! – обрадовалась я.

– Ты ведь не позовешь на свадьбу толпу гостей?

– Нет-нет, только родителей и некоторых друзей.

– Тогда все в порядке.

По дороге домой Джек попросил меня встретиться с ним следующим вечером – хотел что-то обсудить до моего отъезда в Аргентину.

– Можешь зайти ко мне прямо сейчас, – предложила я.

– Я бы с удовольствием, но мне пора. Завтра вставать ни свет ни заря, – ответил он и, заметив мою досаду, прибавил: – Ты не представляешь, как я хочу остаться на ночь, но до утра мне обязательно нужно просмотреть кое-какие документы.

– Не могу поверить – я согласилась выйти замуж за человека, с которым даже не спала! – проворчала я.

– Послушай, давай после твоей командировки сбежим куда-нибудь на выходные? Погуляем с Милли, отвезем ее в школу, а потом съездим в Крэнли-парк и остановимся в отеле. Что скажешь?

– Давай, – довольно закивала я. – А где мы встретимся завтра?

– Предлагаю бар в отеле «Коннот».

– Хорошо. Если поеду с работы, буду там часов в семь.

– Договорились.

Весь день я терялась в догадках, что же такое нам нужно обсудить. Когда Джек попросил меня уволиться и заявил, что намерен переехать в пригород, я не поверила своим ушам: я-то думала, что после свадьбы ничего не изменится и мы просто станем жить вместе в его квартире (она ближе к центру). Поняв, что его планы меня шокировали, Джек пустился в объяснения: я же сама пожаловалась накануне, что за те три месяца, что мы общаемся, мы почти не бывали вместе, и уж тем более наедине.

– Какой смысл жениться, а потом неделями не видеться? – говорил он. – Мы не сможем так жить, да я этого и не хочу. Придется чем-то пожертвовать. К тому же, я надеюсь, рано или поздно у нас появятся дети... лучше, конечно, рано, чем поздно... – Он помолчал немного и спросил: – Ты ведь хочешь детей, Грейс?

– Конечно, хочу! – улыбнулась я.

– Это здорово. – Он взял меня за руку. – Когда я увидел вас с Милли, то сразу понял, что из тебя выйдет прекрасная мать. Надеюсь, первенец не заставит себя ждать!

Язык перестал слушаться; я ощутила нестерпимое желание носить его ребенка.

– Но ты, наверно, хочешь подождать с этим год-другой, – нерешительно прибавил он.

– Что ты, не в этом дело! – выговорила я, снова обретя дар речи. – Просто я не могу уйти с работы, пока Милли учится. Ты же знаешь, что я плачу за обучение. Мне придется работать еще полтора года.

– Это абсолютно невозможно! Я не позволю тебе ходить на работу еще полтора года. – Он был непреклонен. – Милли может переехать к нам, как только мы вернемся из свадебного путешествия.

– Я, конечно, очень люблю Милли, – начала я, робко заглянув ему в лицо, – но хочу сначала хоть немного пожить с тобой вдвоем. И потом, ей очень нравится школа, так что будет нехорошо забирать ее оттуда раньше времени. – Я на секунду задумалась. – Может, поговорим с администрацией, послушаем, что они скажут?

– Обязательно. Думаю, нужно и у Милли спросить, что она думает. Лично я буду только рад, если она захочет переехать к нам сразу. Но если все решат, что Милли нужно остаться в

школе, я оплачу ее обучение. Я настаиваю. Ведь она скоро станет и моей сестрой тоже! – он сжал мои руки. – Пообещай, что примешь мою помощь!

– Даже не знаю, что сказать... – растерялась я.

– Тогда ничего пока не говори. Просто обещай, что подумаешь об увольнении. Не хочу, чтобы после медового месяца мы снова не видели друг друга неделями... Скажи, в каком доме тебе хотелось бы жить? Это не праздный вопрос: я собираюсь подарить тебе на свадьбу дом твоей мечты. Надеюсь, ты не возражаешь.

– Никогда об этом не думала, – призналась я.

– Тогда начинай думать прямо сейчас. Это важно. Хочешь большой сад? Или бассейн? Или чтобы было много спален?

– Большой сад я точно хочу! Бассейн – все равно. Сколько спален?.. Смотря сколько у нас будет детей.

– Значит, много, – улыбнулся он. – Я хочу поселиться в Суррее – это недалеко от Лондона, и оттуда вполне можно каждый день ездить на работу. Ты согласна?

– Мне все равно – лишь бы тебе было удобно. А какой дом хочешь ты?

– Я хочу жить рядом с каким-нибудь симпатичным городком. Где-нибудь совсем на окраине, чтобы шум не мешал. И тоже хочу большой сад – лучше с глухим высоким забором, чтобы снаружи никто не заглядывал. Еще я хочу кабинет. И подвал – хранить всякие вещи. Примерно так.

– И уютную кухню! – вспомнила я. – Я хочу симпатичную кухню с выходом на террасу, где мы будем завтракать. И огромный камин в гостиной, где будут гореть настоящие дрова. И еще желтую спальню для Милли.

– Давай-ка мы все это нарисуем, – предложил Джек, доставая из портфеля лист бумаги. – Чтобы я не забыл. Через два часа эскиз дома нашей мечты был готов. Там было все – клумбы, терраса, три зала, камин, кухня, кабинет, пять спален (включая желтую для Милли), три ванных комнаты и даже маленькое круглое окошко в крыше.

Садясь в такси, я смеялась:

– Спорим, ты не найдешь такой дом к моему возвращению?

– Я очень постараюсь, – ответил Джек, целуя меня на прощание.

На несколько недель меня закружил водоворот дел. Вернувшись из Аргентины, я подала заявление об уходе и выставила свой дом на продажу. В командировке я все как следует обдумала и решила сделать так, как просил Джек. Мне казалось, это будет правильно. Я не сомневалась в своем желании выйти замуж за этого человека, и одна мысль о том, что уже весной я буду жить в прекрасном загородном доме и, быть может, даже забеременею, наполняла меня ликованием. Тринадцать лет я крутилась как белка в колесе; тринадцать лет гадала, удастся ли мне когда-нибудь из него выпрыгнуть, и не знала, кем придется работать: ведь когда Милли переедет ко мне, я не смогу по-прежнему ездить в командировки и работать сверхурочно. Теперь все проблемы исчезли как по волшебству. Составляя приглашения на свадьбу, я чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

Настоящее

В десять тридцать утра Джек поднимается ко мне в комнату и говорит, что мы выходим ровно в одиннадцать. Все четко, как в армии. Но волноваться не о чем: времени еще полно. Я уже приняла душ, осталось одеться и накраситься, так что полчаса – это более чем достаточно. Хорошо, что после душа удалось успокоиться: я не сплю с восьми часов и все это время нахожусь в лихорадочном возбуждении, не веря, что скоро увижу Милли. Напоминаю себе, что нельзя терять бдительность: всякое может случиться. Впрочем, по моему лицу ни о чем таком не догадаешься. Оно спокойно и бесстрастно. Джек отходит, уступая мне дорогу; прохожу мимо, как обычная молодая женщина, собирающаяся на прогулку.

Иду в соседнюю спальню, где хранится моя одежда. Джек следует за мной. Подойдя к огромному шкафу-купе во всю стену, я сдвигаю зеркальную дверцу, выдвигаю ящик с бельем и достаю кремовое белье, купленное Джеком на прошлой неделе. Из другого ящика беру чулки телесного цвета (не люблю колготки). Снимаю пижаму и начинаю одеваться. Джек, сидя на стуле, наблюдает. Сдвинув другую дверцу, задумчиво оглядываю ряд платьев, развешанных по цветам. Голубое не надевала уже сто лет. Милли его обожает, потому что оно цвета моих глаз. Достаю его.

– Надень кремовое, – говорит Джек.

Да, он любит видеть на мне нейтральные цвета. Убираю голубое и достаю кремовое.

В другом отделении шкафа расставлены прозрачные контейнеры с туфлями. Выбираю бежевые на высоком каблуке. Без каблуков было бы лучше, ведь после ланча мы обычно гуляем, но Джек хочет, чтобы я всегда выглядела элегантно – и за ужином с друзьями, и на прогулке у озера. Обуваясь, беру подходящую сумочку и передаю ее Джеку. Потом сажусь за туалетный столик. Крашусь я быстро: чуть-чуть подводки, немного помады и румян. Еще целых пятнадцать минут. Чтобы убить время, решаю накрасить ногти. На столике целая батарея флакончиков с лаком; подумав, выбираю красивый нежно-розовый. Если бы можно было взять его с собой и накрасить ногти Милли! Ей бы точно понравилось. Лак подсыхает, я встаю, забираю у Джека сумочку, и мы спускаемся.

– Какое пальто наденешь? – спрашивает он в холле.

– Наверно, шерстяное бежевое.

Джек достает пальто из гардероба и помогает мне одеться. Потом, проследив, как я застегиваю пуговицы и выворачиваю карманы, открывает входную дверь. Я жду, пока он ее запрет, и иду за ним к машине.

Уже конец марта, но на улице прохладно. Хочется бесконечно втягивать носом свежий воздух, заглотить его как можно больше, но я себя одергиваю: впереди еще целый день. Как хорошо! Я с большим трудом заработала право на эту вылазку и теперь намерена наслаждаться каждой секундой. Мы подходим к машине. Джек нажимает кнопку на брелоке и, пока огромные черные ворота открываются, обходит машину и распаковывает передо мной пассажирскую дверцу. Я сажусь; какой-то мужчина, совершающий пробежку, смотрит на нас во все глаза. Не знаю, кто это. Джек с ним здоровается, а тот лишь приветственно машет рукой – то ли выдохся и не может ответить, то ли просто бережет силы. Джек захлопывает мою дверцу, и через минуту мы выезжаем на улицу. Я оборачиваюсь и, пока ворота закрываются, смотрю на прекрасный дом, который подарил мне Джек. Люблю видеть его со стороны, глазами других.

По дороге в Лондон мысленно возвращаюсь к вчерашней вечеринке. Шансов напортачить было предостаточно, и я до сих пор удивляюсь, что у меня так хорошо все получилось.

– Суфле вышло идеальное, – говорит Джек. Значит, не я одна размышляю о прошедшем вечере. – Весьма разумно было предположить, что гости не сразу сядут за стол, и вне-

сти поправку в расчеты. Снимаю шляпу. Вот только Эстер ты, похоже, не очень понравилась. Интересно почему?

Я понимаю, что слова нужно подбирать аккуратно.

– Она не ценит совершенство, – отвечаю я, подумав.

Похоже, угодила. Джек принимается тихонько напевать себе под нос. Разглядывая проносящиеся мимо пейзажи, я невольно думаю об Эстер. При других обстоятельствах она бы мне наверняка понравилась. Но она далеко не глупа, а потому представляет опасность. Не то чтобы она совсем не ценила совершенство, как мне сначала показалось, – она скорее относится к нему настороженно.

До школы ехать почти час. Чтобы отвлечься, я размышляю о клиентке Джека, Дене Андерсон. Правда, знаю я очень мало – только то, что она недавно вышла замуж за состоятельного и всеми уважаемого филантропа, помогающего множеству благотворительных учреждений. Вот уж кого в последнюю очередь заподозришь в избиении жены! Но кому, как не мне, знать, как обманчиво бывает внешнее благополучие. Дело верное, иначе Джек бы за него не взялся. В его словаре нет слова «проиграть», о чем он сам без устали мне напоминает.

Мы не виделись целый месяц, и Милли, сгорая от нетерпения, ждет меня во дворе на скамейке, в желтой шляпе (ее любимый цвет) и шарфе. Рядом с ней Дженис, ее воспитатель. Выхожу из машины, и Милли, чуть не плача от облегчения, сразу бросается ко мне. Обнимаю ее так крепко, как могу. Джек наблюдает. Подходит Дженис, и он говорит ей, что нам было жаль расстраивать Милли, но мы не стали рисковать и не приезжали, пока я полностью не оправилась от тяжелого гриппа, буквально свалившего меня с ног. Мы все сделали правильно, уверяет Дженис; она объяснила Милли, почему мы не можем приехать.

– Но ей было тяжело, – прибавляет она. – Она ведь так любит вас обоих!

– И мы ее тоже, – отвечает Джек, глядя на Милли с теплой улыбкой.

– Милли, поздоровайся, – вполголоса напоминаю я, и Милли, освободившись от моих объятий, поворачивается к Джеку.

– Привет, Джек, – говорит она, улыбаясь во весь рот. – Я рада тебя видеть!

– И я тоже очень рад тебя видеть, Милли, – отвечает он, целуя ее в щеку. – Ты ведь знаешь, почему мы не приезжали?

– Да, – кивает Милли. – Бедная Грейс. Болела. Но сейчас лучше.

– Гораздо лучше, – соглашается он и продолжает, засовывая руку в карман: – У меня для тебя кое-что есть. Награда за твоё терпение. Угадай что?

– Агата Кристи?! – Карие глаза Милли блестят от радости: она обожает аудиокнижки о таинственных убийствах.

– Умница! – Джек достает из кармана диск. – Ты, кажется, еще не слушала «Десять негритят»?

Милли мотает головой.

– О, это мое любимое! – улыбается Дженис. – Начнем сегодня вечером, Милли?

– Да, – кивает та. – Спасибо, Джек.

– Не за что. А теперь я поведу своих прекрасных дам на ланч. Какой ресторан предпочитаете?

– Отель, – тут же отзывается Милли.

Я знаю, почему она туда рвется – и почему Джек избегает его всеми силами.

– Тот, что на озере, – продолжает он, словно не слыша ее, – или тот, где на десерт дают восхитительные блинчики? – Улыбка Милли гаснет. – Выбирай, Милли.

– Озеро, – тихо отвечает она, опустив голову. Темные волосы падают на ее лицо.

По дороге Милли больше молчит. Она просила меня сесть назад, к ней, но Джек заявил, что тогда он будет чувствовать себя водителем такси.

Подъезжаем к ресторану. Джек паркуется и под руки ведет нас с Милли к входу. Мы часто бываем здесь втроем, и нас уже встречают как старых друзей. Провожают за столик в углу у окна, который нравится Джеку. Садимся как обычно: Джек в середине, лицом к окну, мы с Милли по бокам. Изучая меню, я ногой нахожу под столом ее ногу. Наш секретный знак.

За едой Джек болтает с Милли, пытаясь ее разговорить. Расспрашивает, что она делала в те выходные, когда мы не приезжали. Оказывается, один раз Дженис водила ее к себе домой на обед, потом они где-то пили чай, а потом их пригласила в гости Пейдж, подруга Дженис, у которой они уже бывали раньше. В сотый раз радуюсь, что у Милли есть Дженис, готовая помочь, когда меня нет рядом.

– Грейс, гулять? – спрашивает Милли после ланча. – Круг озера?

– Конечно, давай. – Я нарочито медленно разглаживаю салфетку и кладу ее на стол. –

Ну что, идем?

Джек отодвигает стул:

– Я с вами.

Ничего другого я и не ожидала, но все равно неприятно.

– Идем округ всего озера! – предупреждает Милли.

– Ну нет, не всего, – возражает Джек. – Слишком холодно, долго не погуляешь.

– Тогда ты здесь, – командует она. – Я и Грейс идем.

– Нет, пойдем все вместе.

– Джек, я тебя люблю, – торжественно произносит Милли, глядя на Джека через стол. –

Но я не люблю Джожа Куни.

– Знаю, – кивает Джек. – Я его тоже не люблю.

– Он противный, – продолжает Милли.

– Ужасно противный, – поддакивает Джек, и Милли разражается диким хохотом.

Двигаемся вокруг озера. Джек идет между мной и Милли. Он говорит ей, что заканчивает отделку ее комнаты и скоро можно будет переезжать. Заверяет ее, что комната действительно желтая.

Для долгой прогулки и впрямь слишком холодно. Минут через двадцать мы возвращаемся к машине. Милли совсем сникла, не раскрывает рта – расстроилась, как и я. На прощанье она спрашивает, приедем ли мы через неделю. Приедем обязательно, обещает Джек. Хорошо, что Дженис это слышит.

Прошлое

Когда мы с Джеком объявили Милли о помолвке, она сразу захотела быть подружкой невесты.

– Конечно, дорогая! – воскликнула я, обнимая ее, и, испугавшись нахмуренного лица Джека, поспешно спросила: – Да, Джек? Ты не против?

– Я думал, у нас будет скромная свадьба, – ответил он многозначительным тоном.

– Да, но мне все равно нужна подружка невесты!

– Разве?

– Разумеется! Так положено, – объясняла я, несколько сбита с толку. – Я надеюсь, ты не будешь возражать?

– А тебе не кажется, что для Милли это слишком? – понизив голос, спросил он. – Если тебе так нужна подружка невесты, почему бы не позвать Кейт или Эмили?

– Потому что я хочу, чтобы подружкой была Милли, – твердо ответила я, чувствуя на себе ее тревожный взгляд.

На миг повисло неловкое молчание.

– Что ж, так тому и быть. – Он с улыбкой протянул Милли руку: – Пойдем, Милли, сообщим твоим наставницам новости!

Узнав, что мы решили пожениться, миссис Гудрич и Дженис пришли в восторг. Пока Милли мыла руки перед ужином, миссис Гудрич согласилась, что лучше оставить ее в школе еще на год и три месяца, до восемнадцати лет, – как и планировалось с самого начала. А потом – несмотря на все заверения Джека, что он готов принять Милли хоть сейчас, – намекнула: молодоженам не помешает побыть какое-то время вдвоем. Этим она очень меня порадовала – догадалась, наверно, что мы собираемся сразу заняться пополнением семейства.

Из пансиона мы отправились прямиком в Крэнлипарк, и он оказался в точности таким, как расписывал мне Джек. Идеальное место для свадьбы. Я была глубоко признательна Джайлсу и Мойре – друзьям Джека, которые любезно предоставили нам свой потрясающий дом. Мы сочли, что едва ли кто-то из гостей поленился проехать сорок минут ради отдыха в таком волшебном месте, – тем более что радушные хозяева согласились оставить на ночь всех, кто не сможет сесть за руль. Часа через два, обсудив меню на полсотни гостей (обслуживание банкета заказали кейтеринговой компании из Лондона), мы отправились в отель, который забронировал Джек.

Я сгорала от желания наконец оказаться с Джеком в постели, но в отеле пришлось сразу идти на ужин – столик был заказан, и времени уже не оставалось. Все было ужасно вкусно, но я сидела как на иголках, мечтая поскорей вернуться в номер.

Благоухая после душа, в предвкушении страстной ночи я вышла из ванной и остановилась как вкопанная: Джек спал. Было жалко его будить; я знала, как он вымотан, – за ужином он признался, что подумывал даже отменить нашу поездку из-за завала на работе, но не решился меня расстроить. Очнувшись часа через два, он ужаснулся тому, что посмел уснуть, и сжал меня в объятиях. И тогда мы, наконец, занялись любовью.

Почти все следующее утро мы провели в постели. Потом неспешно пообедали и отправились обратно в Лондон. Я радовалась: хоть на время вырвались из сумасшедшего водоворота, закрутившего нас из-за скорой свадьбы! Однако эта передышка означала, что теперь мы не увидимся до конца недели. Зато у меня появился шанс закончить картину, которую я рисовала для него второй месяц. Мне очень редко удавалось поработать над ней, и я уже решила подарить ее не на Рождество, как планировала, а на свадьбу. Теперь же, поскольку Джек был занят все будние вечера, а мои чемоданы обосновались в шкафу на неопределенный срок, я успела дорисовать ее к Рождеству. Решила, что если картина понравится (на что я очень наде-

ялась), то мы повесим ее в нашем новом доме. Так и видела ее над камином, который, как мы договорились, будет в гостиной.

Холст был большой. На первый взгляд казалось, что это абстракция – мешанина пятен разных оттенков красного, испещренная серебристыми точками. Лишь при ближайшем рассмотрении сплошное красное марево распадалось на несколько сотен крошечных светлячков. Секрет – его знали только мы с Джеком – заключался в том, что все это великолепие было создано не краской, а губной помадой, которую я потом покрыла прозрачным лаком.

Поначалу я не говорила Джеку, что люблю рисовать. И ни словом не обмолвилась, что его любимая картина у меня на кухне – моя работа. Призналась только на Рождество, убедившись, что подарок понравился: я сама нарисовала «Светлячков», да еще и особой «поцелуйной» техникой – целовала холст сотни раз, меняя оттенки помады. Джек рассыпался в комплиментах, и я обрадовалась: все-таки сумела его удивить. Впечатленный моими способностями, он заявил, что после переезда ждет новых шедевров, которыми я должна украсить стены.

Мой дом купили очень быстро. Я предложила Джеку вложить вырученные деньги в покупку нашего нового дома (он уже присмотрел один в Спринг-Итоне), но он отказался наотрез: это будет свадебный подарок. Маленький тихий Спринг-Итон приглянулся ему однажды в воскресенье, когда он ехал от Адама с Дианой. Расположение идеальное, всего двадцать миль от Лондона; в доме нужно было кое-что переделать, и Джек не хотел мне его показывать до возвращения из свадебного путешествия. На все мои расспросы он лишь загадочно улыбался и говорил, что дом идеален. А когда я спрашивала, похож ли он на наш рисунок, лаконично отвечал, что похож. Чтобы сделать Джеку свадебный подарок, я решила вложить деньги в отделку. Уговаривать его пришлось долго, но в конце концов он согласился. Конечно, странно было покупать всякую всячину для незнакомого дома, но, к счастью, Джек точно знал, чего хочет, и к тому же обладал безупречным вкусом.

За месяц до свадьбы я уволилась и уже через неделю полушутя жаловалась Джеку, что ничегонеделание – это прекрасно, но прелесть новизны быстро пропадает. На следующий день он явился с коробкой, украшенной красным бантом. В ней оказался трехмесячный щенок лабрадора.

– Джек, какая прелесть! – восторженно воскликнула я, доставая умильный комочек. – Где ты его взял? Он твой?

– Нет, твой, – ответил он. – Чтобы ты не скучала.

– Да уж, скучать теперь не придется! – засмеялась я и опустила собачку на пол. Она тут же отправилась изучать коридор. – Но как же наш медовый месяц в Таиланде? Кто будет о ней заботиться? Можно попросить родителей, но я сомневаюсь, что они согласятся...

– Не волнуйся, я уже обо всем позаботился. Нашел домработницу, которая приглядит за домом, пока нас не будет. Не хочу оставлять его без присмотра, к тому же нам должны привезти кое-что из мебели. Эта женщина будет жить в доме до нашего возвращения и заодно позаботится о Молли.

– Молли? – Я взглянула на щенка. – Да, это имя ему очень подходит. Милли будет в восторге, она всегда хотела собаку! Милли и Молли – отлично звучит!

– Вот и я так подумал, – кивнул Джек.

– Милли влюбится в нее по уши!

– А ты? Будешь ее любить?

– Конечно! – Я сгребла щенка в охапку. – Я уже ее люблю! – Молли лизнула мой нос, и я засмеялась. – Ужасно будет расставаться с ней на целых две недели!

– Да? – улыбнулся Джек. – Зато как приятно будет встретиться после разлуки. Так и вижу ваше бурное воссоединение!

– Мне не терпится показать ее Милли. Джек, ты даже не представляешь, какой ты замечательный! – Я нежно поцеловала его. – Молли – именно то, чего мне не хватало! Она будет меня развлекать, пока ты на работе. Надеюсь, в Спринг-Итоне красиво? Там есть где погулять?

– Там полно чудесных мест, особенно у реки.

– Скорей бы уже увидеть дом! – Я задыхалась от счастья. – Я хочу поскорее выйти за тебя замуж! Не могу больше ждать!

– Я тоже. – он поцеловал меня в ответ. – Я тоже.

* * *

Три недели промелькнули незаметно: благодаря Молли у меня не оставалось свободной минуты. Накануне свадьбы я забрала Милли из школы, и мы вместе вручили Молли Джеку, чтобы он отвез ее в новый дом и оставил на попечение домработницы. Расставание прошло тяжело, но Джек уверял меня, что миссис Джонс – прекрасная, добросердечная женщина и с удовольствием будет ухаживать за Молли до нашего приезда. За несколько дней до этого, проводив фургон с последними из моих вещей (они отправились в Спринг-Итон), я переехала в отель неподалеку. И теперь мы с Милли вернулись туда, чтобы заняться приготовлениями. Весь вечер примеряли платья и делали пробный макияж (к свадьбе я купила новую косметику). Мне не хотелось выходить замуж в классическом свадебном наряде, и я купила шелковое платье кремового цвета. Длинное – почти в пол – и облегающее, оно идеально подчеркивало фигуру. Милли тоже выбрала кремовое, но с розовым поясом – в цвет ее букета.

На следующее утро, облачившись в платье, я почувствовала себя прекрасной принцессой. Цветы уже доставили – розовые розы для Милли и темно-красные для меня. Я знала, что Джек заказал машину, которая отвезет нас в загс, и, когда в одиннадцать часов в номер постучали, отправила Милли открывать.

– Скажи, что я буду готова через минуту! – крикнула я и проскользнула в ванную, чтобы напоследок взглянуть на себя в зеркало и все проверить. Довольная увиденным, вернулась в спальню и взяла букет.

– Великолепно выглядишь.

Вздрогнув, я подняла глаза. В дверях стоял Джек в темном костюме и бордовом жилете. От его безупречного вида у меня перехватило дыхание.

– Ты почти такая же красивая, как Милли. Честное слово.

Стоявшая за его спиной Милли радостно захлопала в ладоши.

– Что ты здесь делаешь?! – всполошилась я, хотя была очень рада видеть Джека. – Что-то случилось?

– Ничего, просто хотел тебя увидеть. – Он притянул меня к себе. – И еще принес тебе кое-что. – Отпустив меня, он вытащил из кармана черный футляр: – Я сегодня ходил в банк вот за этим.

Я открыла футляр. На черном бархате покоилось изысканное жемчужное ожерелье и такие же серьги.

– Боже, Джек, какая красота!

– Это украшения моей матери. Я о них совсем забыл и вспомнил только вчера вечером. Подумал, может, ты захочешь сегодня их надеть. Но ты, конечно, не обязана.

– Ну что ты, я с удовольствием! – Я взяла ожерелье и расстегнула застежку.

– Давай я. – Забрав у меня ожерелье, Джек приложил его к моей шее. – Ну как тебе?

Я повернулась к зеркалу.

– Просто удивительно, как оно подошло к платью, – заметила я, перебирая пальцами жемчужины. – Ровно тот же оттенок! – И, сняв золотые сережки, я надела жемчужные.

– Грейс красивая! Очень-очень красивая! – радовалась Милли.

– Согласен, – серьезно кивнул Джек, опустил руку в другой карман и достал футляр поменьше. – Тебе я тоже кое-что принес, Милли.

При виде жемчужного сердечка на серебряной цепочке Милли ахнула.

– Спасибо, Джек! – Она лучезарно улыбнулась Джеку. – Я надеваю!

– Джек, ты так добр, – сказала я, застегивая Милли цепочку. – Но разве ты не знаешь, что видеть невесту до свадьбы – плохая примета?

– Что ж, тогда мне остается только надеяться на удачу, – улыбнулся он.

– Как там Молли? Как ей на новом месте?

– Прекрасно. Смотри. – Достав из кармана телефон, он показал нам фотографию Молли, которая спала, свернувшись клубком в корзинке.

– Значит, там на полу плитка... – пробормотала я. – Хотя что-то узнала о своем новом доме.

– Этим твои знания пока и ограничатся, – ответил он, убирая телефон. – Ну что, спускаемся? Машина ждет. Водитель очень удивился, когда я попросил его по дороге захватить и меня. Если не поторопимся, он решит, что я все отменил.

Взяв меня и Милли под руки, Джек торжественно проводил нас к машине, и мы поехали.

У загса все ждали нас. Родители уже сидели на чемоданах: отъезд в Новую Зеландию намечался через две недели после нашего медового месяца. Узнав, что они так торопятся, я удивилась, но, поразмыслив, поняла: они ждали этого шестнадцать лет. За неделю до свадьбы мы с Джеком встретились с ними за ужином, и они официально передали Милли на наше попечение. Мы стали ее опекунами – и такой расклад всех устраивал, хотя родители, очевидно чувствуя вину за то, что перекладывают на Джека расходы, вызвались помогать нам по мере возможностей. В ответ Джек заверил их, что мы справимся сами и Милли ни в чем не будет нуждаться.

Увидев выходящего из машины Джека, гости немало удивились, и из толпы полетели добродушные шутки – ну конечно, ему просто захотелось прокатиться с ветерком на «роллс-ройсе»! Мы стали подниматься по лестнице; меня вел отец, Джек шел с Милли, а мой дядя Леонард, с которым мы не виделись уже несколько лет, предложил руку маме. Когда я уже почти поднялась, Милли вдруг закричала. Обернувшись, я увидела, как она катится по ступеням вниз.

– Милли! – отчаянно крикнула я и ринулась к ней.

Милли бесформенной куклой лежала на земле. Целая вечность ушла на то, чтобы пробиться сквозь окружившую ее толпу; наконец я опустилась рядом с ней на колени, не обращая внимания на платье. Я боялась лишь за Милли, которая не шевелилась.

– Все хорошо, Грейс, она дышит! – успокаивал меня Адам, присевший на корточки с другой стороны от Милли, пока я судорожно пыталась нащупать ее пульс. – С ней все будет в порядке, вот увидишь! Диана уже вызвала скорую, врачи будут с минуты на минуту.

– Что случилось? – крикнула я прерывающимся голосом и краем глаза заметила, как рядом склонились родители. Трогать Милли не стоило, и я лишь осторожно откинула пряди с ее лица.

– Грейс, пожалуйста, прости меня!

Подняв глаза, я увидела Джека с белым как мел лицом.

– Она вдруг споткнулась... может, наступила каблуком на платье... – объяснял он. – Я даже не понял, что происходит, а она уже летела вниз! Я пытался поймать ее, но не смог!

– Все в порядке, – поспешно ответила я. – Ты не виноват.

– Я должен был держать ее крепче! – продолжал он упавшим голосом, запустив пальцы в волосы. – Должен был помнить, что с лестницами она не дружит!

– Мне не нравится, как согнута ее нога, – тихо произнес отец. – Похоже на перелом.

– Господи! – простонала я.

– Она приходит в себя! – Мама взяла Милли за руку.

– Все будет хорошо, Милли, – прошептала я, увидев, что Милли зашевелилась. – Все будет хорошо.

Через несколько минут примчалась скорая. Я хотела ехать с Милли в больницу, но родители сказали, что поедут сами, а я должна выйти замуж.

– Но я не могу сейчас замуж! – всхлипывала я, пока Милли заносили в машину.

– Можешь, можешь, – настаивала мама. – С Милли все будет в порядке.

– Но у нее же перелом! – прорыдала я. – И наверняка еще какие-то травмы!

– Если ты решишь все отменить, я пойму, – произнес Джек у меня над ухом.

– Как мы можем веселиться, если даже не знаем, насколько все серьезно?!

К счастью, нам повезло с санитарями. Понимая, в каком сложном положении я оказалась, они тщательно – насколько это было возможно в машине скорой помощи – обследовали Милли прямо на месте. Ничего опасного, кроме перелома ноги, не обнаружилось; свадьбу можно было продолжать, а мои родители могли бы сообщать о развитии событий, тем более что в больнице Милли все равно сразу повезут на рентген и я не смогу быть рядом с ней. Я нерешительно взглянула на Джека, который тихо беседовал с Адамом. Выражение безысходного отчаяния на его лице все решило. Я забралась в машину к еще не до конца пришедшей в себя Милли и поцеловала ее на прощание, пообещав навестить на следующее утро. Потом оставила родителям номер телефона Джека (свой телефон я уже уложила в чемодан) и попросила сразу сообщать все новости.

– Ты уверена? Может, все-таки отменим? – обеспокоенно спросил Джек, глядя вслед отъезжающей «скорой». – Сомневаюсь, что у кого-то еще осталось праздничное настроение... Может, подождем и убедимся, что у Милли все будет хорошо?

Я оглядела гостей, прогуливавшихся в ожидании вердикта: быть свадьбе или нет.

– Думаю, если у нас будет настроение, то и у них тоже. – Я тронула его за плечо и, когда он повернулся, решительно спросила: – Ты все еще хочешь на мне жениться, Джек?

– Ну разумеется! Больше всего на свете. Но последнее слово за тобой.

– Тогда давай поженимся. Милли бы этого хотела, – соврала я, зная, что Милли не поймет, как можно было пожениться без нее. Я чувствовала себя предательницей; на глаза снова навернулись слезы, и я быстро заморгала, чтобы избавиться от них, пока Джек не заметил. Я надеялась, что мне больше никогда не придется выбирать между ним и Милли.

Узнав, что свадьба состоится, все обрадовались. Часа через два позвонила мама: Милли в порядке, если не считать перелома. От облегчения у меня подкосились ноги; я рвалась к сестре и хотела поскорее закончить банкет, но мама сказала, что Милли дали обезболивающие и она, скорее всего, проспит до утра. Мама собиралась дежурить в больнице всю ночь, и я пообещала навестить Милли завтра вместе с Джеком по дороге в аэропорт.

После разговора с мамой мне даже удалось немного расслабиться. И все же я вздохнула с облегчением лишь тогда, когда все гости разъехались и мы с Джеком наконец отправились в отель. Его машина осталась в Лондоне, и Джайлс с Мойрой одолжили нам свою, чтобы мы с утра поехали в аэропорт, а после возвращения из Таиланда – к себе в Спринг-Итон. Заверили нас, что машин у них полный гараж и нет нужды торопиться с возвратом.

Когда мы приехали в отель, который выбрали для первой брачной ночи, я сразу отправилась в ванную, оставив Джека в компании бутылки виски. Лежа в горячей воде, я то и дело возвращалась мыслями к Милли и радовалась, что этот день наконец закончился. Вода в ванне остыла; я вылезла и торопливо вытерлась, представляя лицо Джека, когда он увидит меня в шелковом кремовом белье, купленном специально для этого случая. Надев его и дрожа от нетерпения, я вошла в спальню.

Настоящее

– Думаю, нужно позвонить Диане и сказать, что я не смогу пообедать с ней и Эстер в пятницу, – говорю я Джеку в машине по дороге от Милли.

– А я думаю, ты должна пойти, – отвечает он, но это ничего не значит: я слышала это тысячу раз. – Ты и так уже дважды отказывалась.

Я все равно ни на что не надеюсь. Но в пятницу утром он достает из шкафа мое лучшее платье, и в голове одна за другой проносятся мысли. Неужели час, которого я так ждала, настал?! Одергиваю себя: прошлые разы ничем не закончились. Когда мы садимся в машину, я все еще не позволяю себе верить, но, когда доезжаем до города, не верить уже невозможно, и я лихорадочно придумываю план – нельзя упускать момент! Припарковавшись у входа в ресторан, Джек выходит из машины. И только тут я понимаю, как глупо заблуждалась.

Эстер с Дианой уже там. Диана машет нам, и я, ощущая руку Джека на талии, направляюсь к их столику. Натягиваю улыбку, пытаюсь скрыть досаду.

– Как здорово, что ты пришла! – говорит Диана, обнимая меня. – Джек, очень мило с твоей стороны зайти поздороваться. В офисе обеденный перерыв?

– Я сегодня работал дома, – отвечает он. – В офисе меня ждут ближе к вечеру. Надеюсь, вы меня не прогоните? Разумеется, обед за мой счет.

– Тогда другое дело! Можешь остаться, – хохочет Диана. – Поместимся как-нибудь – все-таки стол на четверых.

– Вот только теперь мы не сможем перемыть Джеку косточки, – шутит Эстер, пока он придвигает стул от соседнего стола.

Да уж. Эстер, сама того не ведая, бьет точно в цель. Но все это не имеет значения.

– Думаю, у вас найдутся темы поинтересней, – улыбается Джек и, усадив меня напротив Эстер, делает знак официанту.

– Тем более что Грейс все равно не сказала бы про тебя ничего плохого. Скучота, – вздыхает Диана.

– Уверена, пару крошечных недостатков она бы нашла. – Эстер смотрит на меня вызывающе. – Правда, Грейс?

– Это вряд ли, – отвечаю я. – Джек – само совершенство, ты ведь знаешь.

– Да брось, ну не может он быть идеальным! Должно же быть хоть что-то!

Наморщив лоб, я изображаю мыслительный процесс, но потом с сожалением качаю головой:

– Уж извини, ничего такого не припоминаю. Правда, он слишком часто дарит мне цветы. Иногда даже не знаю, куда их ставить, потому что ваз не хватает.

– Грейс, это не изьян! – стонет Диана и поворачивается к Джеку: – Ты не мог бы немного поучить Адама, как баловать жену? Хотя, пожалуй, это бесполезно.

– Не забывай, что Джек и Грейс, можно сказать, молодожены по сравнению с нами, – говорит Эстер. – К тому же у них еще нет детей. Уходит новизна, появляются дети, и романтики как не бывало... А вы долго жили вместе до свадьбы? – спрашивает она, помолчав.

– У нас не было на это времени, – отвечает Джек. – Мы поженились через полгода после знакомства, даже меньше.

Эстер в изумлении вскидывает брови:

– Вот это скорость!

– Я знал, что мы с Грейс просто созданы друг для друга. Зачем ходить вокруг да около? – говорит он, глядя меня по руке.

– А скелеты в шкафу после свадьбы не обнаружились? – весело смотрит на меня Эстер.

– Ни одного, – отвечаю я и поспешно погружаюсь в принесенное официанткой меню. Хватит пока расспросов о наших с Джеком отношениях; к тому же я страшно голодна. Изучаю список блюд. Бифштекс с грибами, луком и картошкой фри – прекрасно!

– Кто-то будет что-нибудь калорийное? – с надеждой спрашивает Диана.

– Я нет. – Эстер качает головой. – Возьму салат.

– Я буду бифштекс с картошкой фри, – сообщаю я. – И шоколадный торт на десерт, – добавляю, зная, что Диана этого ждет.

– Тогда я присоединюсь к Эстер с салатом и к тебе с шоколадным тортом! – радуется она.

– А кто хочет вина? – Джек, как всегда, галантен.

– Я не хочу, спасибо, – отвечает Диана.

Что ж, придется смириться с безалкогольным обедом. Сам Джек никогда не пьет днем.

– А я немного выпью, – решает Эстер. – Но только с тобой и Грейс за компанию.

– Я, к сожалению, не могу: у меня после обеда еще много работы, – отвечает Джек.

– А я могу, – отзываюсь я. – Ты какое хочешь – красное или белое?

В ожидании заказа мы обсуждаем июльский музыкальный фестиваль, который проводится неподалеку и каждый год собирает тысячи людей. Все считают, что нам повезло: мы живем достаточно близко, чтобы до него добраться, но достаточно далеко, чтобы не страдать от толп, наводняющих город и окрестности. Диана с Адамом бывают там каждый год, а мы с Джеком не были ни разу, и Диана предлагает съездить всем вместе, большой компанией. Оказывается, Эстер играет на фортепиано, а Руфус – на гитаре. Я признаюсь, что далека от музыки, и Эстер спрашивает, люблю ли я читать. Отвечаю, что люблю, хотя на самом деле читаю очень мало. Говорим о литературных предпочтениях; Эстер вспоминает о новом бестселлере и интересуется, кто его читал. Выясняется, что никто.

– Хочешь, я дам тебе прочесть? – спрашивает она, пока официантка расставляет тарелки.

– Да, было бы здорово! – радостно соглашаюсь я.

Я совсем забыла. Слишком растрогалась оттого, что Эстер предложила книгу мне, а не Диане.

– Тогда заброшу тебе ее сегодня вечером. У меня по пятницам нет уроков.

Вернувшись с небес на землю, начинаю увиливать:

– Хорошо, только тебе придется оставить ее в почтовом ящике. Скорее всего, я буду в саду и не услышу звонок.

– Я, кстати, ужасно хочу взглянуть на ваш сад, – оживляется она. – После тех дифирамбов, которые Джек пел твоей легкой руке...

– Зачем же столько телодвижений ради книги? – вмешивается Джек, аккуратно обходя толстый намек. – Грейс и сама может ее купить.

– Мне совсем не сложно. – Эстер одобрительно разглядывает свой салат. – Какая красота!

– Вот что: мы пойдем и купим эту книгу прямо сейчас, после обеда, – продолжает он. – Тут книжный за углом.

Пытаюсь сменить тему:

– У тебя только пятница свободна?

– Нет, еще вторник. Делим работу с коллегой.

– Везет же некоторым! – завидует Диана. – Тяжело работать полный день, когда у тебя дети. Хотя и торчать дома – то еще удовольствие. А третьего не дано – в нашей фирме о частичной занятости даже не слышали.

– Ты правда не скучаешь по работе? – спрашивает Эстер. – Мне кажется, до свадьбы у тебя была очень интересная жизнь.

Разрезаю мясо, опустив глаза в тарелку. Да, была. И мне тяжело об этом вспоминать.

– Чего по ней скучать? У меня и без нее полно разных интересных занятий.

– И чем ты еще увлекаешься, кроме рисования, садоводства и чтения?

– Да так, то одним, то другим... – мямлю я. Звучит неубедительно.

– Грейс вам еще не рассказывала, что шьет себе одежду! – встревает Джек. – Как раз вчера закончила очередное платье. Очень симпатичное.

– Да ты что! – Эстер смотрит на меня с любопытством.

Я привыкла импровизировать. Подхватываю не моргнув глазом:

– Ничего особенного. Я не умею шить сложные вещи, какие-нибудь вечерние платья и тому подобное.

– А я и не знала, что ты такая мастерица! Хотела бы я уметь шить... – Диана мечтательно закатывает глаза.

– Я тоже! – вторит ей Эстер. – Может, научишь меня, Грейс?

– А давайте устроим швейный кружок, и Грейс будет нашей наставницей! – Диана, как всегда, дает волю фантазии.

– Мне самой еще учиться и учиться, – отнекиваюсь я. – Я потому вам и не говорила: не готова показывать свои творения.

– Если ты шьешь так же, как готовишь, то я уверена, что платье вышло обалденное!

– Обязательно покажи нам в следующий раз, – требует Эстер.

– Ладно, – сдаюсь я. – Но при условии, что ты не попросишь сшить тебе такое же.

Я страшно устала придумывать ответы на ее реплики. Как-то уже не до торта. Может, отказаться, против обыкновения? Тогда откажется и Диана, и конец посиделкам – ведь Эстер только что объявила, что в нее больше ничего не влезет. Взвесив за и против, голосую за торт: слишком уж он соблазнительный. Надеюсь, большая часть допроса позади. Пригубив вина, мысленно прошу Эстер переключиться на Диану.

Кажется, сработало: Эстер расспрашивает Диану о сыне. Та обожает поговорить о его питании, так что можно отдохнуть несколько минут, пропустив мимо ушей все способы заставить детей есть нелюбимые овощи. Джек слушает их так внимательно, будто ему и впрямь интересно, а я мысленно возвращаюсь к Милли. Что, если я опять не смогу навестить ее в выходные? С каждым разом мне все труднее выдумывать оправдания. Раньше мне и в голову не приходило желать, чтобы Милли была другой, а теперь только и думаю: если бы у нее не было синдрома Дауна! Если бы она не зависела от меня и могла жить своей, самостоятельной жизнью!

Диана заказывает за меня десерт, и я тут же возвращаюсь к реальности. Эстер спрашивает, о чем я задумалась; отвечаю, что о Милли. Диана интересуется, когда мы в последний раз виделись, и я рассказываю, как мы прекрасно провели время неделю назад. С надеждой жду, что кто-нибудь спросит, собираемся ли мы к Милли в эти выходные. Напрасно.

– Милли, наверно, не терпится поскорее к вам переехать, – замечает Эстер, когда нам приносят десерт.

– Не то слово, – соглашаюсь я.

– Нам и самим не терпится! – улыбается Джек.

– Ей нравится ваш дом?

– Вообще-то она его еще не видела, – отвечаю я, потянувшись к бокалу.

– Но вы ведь живете там уже год?

– Да, но мы хотим сначала довести его до совершенства, а потом уже показать Милли, – объясняет Джек.

– По мне, он уже идеален...

– Да, но комната Милли еще не совсем готова. Я ее как раз доделываю. Это так прекрасно – правда, милая?

Я с ужасом чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. Поспешно опускаю голову, чтобы Эстер их не заметила.

– И какого она будет цвета? – спрашивает Диана.

– Красного, – отвечает Джек. – Это любимый цвет Милли. Ешь, дорогая. – Он кивает на мой шоколадный торт.

Беру ложечку. Не понимаю, как теперь буду есть.

– Выглядит аппетитно! – говорит Эстер, глядя мне в тарелку. – Можно я съем кусочек? Если, конечно, тебе не жаль делиться такой вкуснятиной!

Изображаю размышление. Не знаю, правда, к чему этот спектакль: Джека не обманешь. Протягиваю Эстер свою вилку:

– Угощайся!

– Спасибо, – отвечает она, накалывая кусочек. – А вы с Джеком на разных машинах приехали?

– Нет, на одной.

– Тогда давай я подброшу тебя домой.

– Не беспокойся, я сам завезу Грейс по дороге на работу, – отзывается Джек.

– Ничего себе по дороге! – Эстер удивленно поднимает брови. – Джек, да тебе отсюда рукой подать до офиса. Я ее отвезу, мне это в радость.

– Очень мило с твоей стороны, Эстер, но мне все равно нужно забрать из дома кое-какие документы. У меня встреча с клиентом после обеда, – возражает он и, помолчав, прибавляет: – Жаль, конечно, что я не взял их сразу, иначе бы спокойно отправил Грейс с тобой.

– Тогда в другой раз. – Она поворачивается ко мне: – Грейс, давай обменяемся телефонами! Хочу пригласить вас всех на обед. Уточню только у Руфуса, когда он сможет. Он, кажется, собирался в Берлин, но я не знаю, когда именно.

– Конечно, давай.

Диктую ей наш домашний номер, и она сохраняет его в телефоне.

– А мобильный?

– У меня его нет.

– Как это? – Она немало удивлена. – У тебя нет телефона?

– Нет.

– Но почему?

– Потому что он мне не нужен.

– Но сейчас у всех есть мобильники! От детей до стариков!

– У всех, кроме меня, – забавляюсь я ее реакцией, хотя смешного в этом мало.

– Чудеса, правда? – оживляется Диана. – Я все уговариваю ее купить телефон, но она ни в какую.

– Как же с тобой связаться, когда тебя нет дома? – допытывается Эстер.

Пожимаю плечами:

– Никак.

– Если подумать, это не так уж плохо, – замечает Диана, помрачнев. – Я вот даже по магазинам не могу спокойно пройти. Обязательно позвонит Адам или кто-то из детей и спросит, когда я вернусь, да еще потребует что-нибудь купить. А сколько раз приходилось решать домашние проблемы прямо на кассе – в одной руке телефон, другой заталкиваешь покупки в пакеты...

– А если что-то случится? Если тебе понадобится помощь? – не унимается Эстер. Новость не укладывается у нее в голове.

– Раньше все прекрасно жили без мобильных, – замечаю я.

– Ага, в Средние века... – Она поворачивается к Джеку: – Джек, ради бога, купи жене телефон!

Тот беспомощно разводит руками:

– Я бы с радостью, но она же не будет им пользоваться.

– А я уверена, что будет. Когда увидит, как это удобно.

- Джек прав, – говорю я. – Не буду.
- Только не говори, что у тебя и компьютера нет!
- Ну почему, есть.
- Дашь мне свой электронный адрес?
- Конечно: *jackangel@court.com*.
- Так это же адрес Джека!
- И мой тоже.
- У тебя что, нет своего? – Эстер, подняв голову, смотрит на меня во все глаза.
- А зачем он мне? У нас с Джеком нет секретов друг от друга. К тому же обычно мне пишут что-то, что касается и Джека. Приглашения на ужин и тому подобное. И Джек сразу все видит – очень удобно.
- Тем более что Грейс часто забывает сообщить мне что-нибудь, – снисходительно улыбается Джек.
- Да вы и впрямь живете душа в душу... – произносит Эстер, задумчиво глядя на нас. – Ладно, раз ты без мобильного, придется тебе взять ручку и бумагу, чтобы записать мой номер. У тебя есть ручка?
- Конечно нет.
- Не помню. – Я начинаю изображать поиски ручки: тянусь к сумочке, висящей на спинке стула. Эстер меня опережает.
- Боже, да она у тебя как будто пустая! – восклицает она, протягивая сумочку мне.
- Люблю ходить налегке. – Я заглядываю внутрь. – Нет, прости, ручки нет.
- Ничего, я запишу. – Джек достает телефон. – Руфус уже дал мне ваш домашний номер. Так что осталось узнать твой мобильный. Диктуй, Эстер.
- Эстер диктует, и я силюсь запомнить номер, но ближе к концу сбиваюсь. Закрываю глаза в надежде восстановить последние цифры... бесполезно.
- Спасибо, – произносит Джек, и я открываю глаза. Эстер испытующе смотрит на меня через стол. – Дома я выпишу твой номер для Грейс.
- Минутку... – хмурится она. – Там в середине 721 или 712? Все время путаюсь! Конеч-то простой, 9146, но вот в середине... Диана, слушай, можешь проверить?
- Диана достает телефон и находит номер Эстер.
- Семьсот двенадцать, – отвечает она.
- Ага, ну да, 07517129146. Слышишь, Джек?
- Да, все в порядке. Кто-нибудь хочет кофе?
- Никто не соблазняется. Эстер не хочет, а Диане пора на работу. Джек просит счет, а Эстер с Дианой удаляются в уборную. Я тоже хочу, но остаюсь на месте. Расплатившись, мы с Джеком прощаемся с остальными и идем к машине.
- Ну что, моя маленькая идеальная жена довольна? – спрашивает он, открывая мне пассажирскую дверцу.
- Не особенно, – отвечаю я, распознав очередной вопрос с подвохом.
- И даже десерт не порадовал? Ты ведь так о нем мечтала.
- Я ждала от него большего, – говорю я с комом в горле.
- Стало быть, повезло, что Эстер помогла тебе с ним справиться?
- Я бы и сама его доела.
- И лишила бы меня удовольствия?
- Легко, – отвечаю я, содрогнувшись.
- Джек поднимает брови:
- Я смотрю, твой боевой дух возродился? Это хорошо, а то я, по правде говоря, уже заскучал. Дай ему волю, Грейс. – Он бросает на меня веселый взгляд. – Я жду.

Прошлое

Тем вечером, после свадьбы, выйдя из ванной, я увидела пустую спальню и оторопела. Наверно, вышел позвонить, подумала я и тут же рассердилась: как можно в такой день думать о работе?! Потом вспомнила, что Милли в больнице, и раздражение тут же сменилось беспокойством. Я моментально убедила себя, что мама позвонила Джеку сообщить плохие новости, а он вышел из комнаты, чтобы я не услышала разговор.

Я бросилась к входной двери и распахнула ее, ожидая увидеть Джека, меряющего шагами коридор и размышляющего, как сообщить мне печальные известия. Коридор был пуст. Наверно, спустился на ресепшен, решила я и, чтобы не тратить время на розыски, рванулась к чемодану, который доставили сюда еще днем, выудила телефон и набрала мамин номер. Сначала соединения не было, и я успела подумать, что если мама говорит с Джеком, то телефон будет занят. Хотела уже нажать «Отбой» и перезвонить папе, но тут пошли гудки. Мама ответила почти сразу.

– Мам, что случилось? – закричала я в трубку, не дожидаясь, пока она поздоровается. – Ей стало хуже? Или еще что-то нашли?

– Да нет, все в порядке, – удивилась она.

– То есть с Милли все хорошо?

– Да, она спит. – Она помолчала. – А с тобой все в порядке? Ты, кажется, взволнована.

От облегчения у меня подкосились ноги, и я рухнула на кровать.

– Джек пропал, и я подумала, что ты позвонила ему и сообщила плохие новости, а он ушел, чтобы я не услышала ваш разговор! – зататорила я.

– Что значит «пропал»?

– Его нет в номере! Я принимала ванну, а когда вышла, его не было.

– Наверно, спустился вниз за чем-нибудь. Не волнуйся, скоро вернется. Как прошла свадьба?

– Хорошо, даже отлично, не считая того, что я все время думала о Милли. Я так хотела, чтобы она была со мной! Она ужасно расстроится, когда узнает, что мы не отменили свадьбу и поженились без нее.

– Милли все поймет, я уверена, – успокаивала мама.

Я страшно разозлилась: конечно, не поймет, мама совсем ее не знает! На глаза вдруг навернулись слезы; исчезновение Джека стало последней каплей.

– Ладно, мам, увидимся завтра в больнице. Поцелуй за меня Милли, – попрощалась я и повесила трубку.

Набирая номер Джека, я уговаривала себя успокоиться: мы никогда раньше не ссорились, и, если устроить истерику по телефону, это ни к чему не приведет. Очевидно, проблема у кого-то из его клиентов – что-то очень срочное, с чем нужно разобраться до отъезда в Таиланд; Джек, разумеется, и сам не рад, что ему докучают в день свадьбы.

Пошли гудки, и я обрадовалась – хороший знак! Раз номер не занят, скорее всего, проблема решена, что бы там ни было. Но Джек не ответил. Подавив возмущение, я оставила на автоответчике сдержанное сообщение: «Джек, ты где вообще? Перезвони, пожалуйста».

Положив телефон, я зашагала по комнате. Куда он подевался? Часы на прикроватной тумбочке показывали девять. Почему не ответил? Почему не отреагировал на звонок? Может, кто-то из коллег приехал в отель с ним посоветоваться? Прошло десять минут. Я снова набрала его номер. На этот раз сразу включилась голосовая почта.

– Джек, перезвони, пожалуйста, – резко бросила я, понимая, что после предыдущего звонка он просто отключил телефон. – Я хочу знать, где ты.

Водрузив чемодан на кровать, я достала бежевые брюки и блузку, приготовленные на завтра в дорогу, и натянула их прямо поверх нарядного белья. Потом сунула в карман ключ, взяла телефон и вышла из номера. Не в силах ждать лифта, я сбежала вниз по лестнице и направилась к администратору.

– Миссис Энджел? – спросил молодой человек за стойкой. – Чем могу помочь?

– Знаете, я тут ищу мужа... Вы его, случайно, не видели?

– Да, он спустился примерно час назад. Почти сразу после вашего приезда.

– А куда он пошел? Может, в бар?

Администратор покачал головой:

– Нет, вышел на улицу. Я подумал, он хочет забрать что-то из машины.

– Вы видели, как он вернулся?

– Знаете, теперь, когда вы спросили... я понимаю, что нет. Хотя я тут заселял гостей, так что мог просто не заметить. – Он увидел мой телефон. – Вы пробовали ему звонить?

– Да, но его мобильный отключен.

Вяло улыбнувшись, я попыталась пошутить:

– Может, он в баре, заливает горе? Оплакивает утраченную свободу? Пойду проверю.

Я отправилась в бар, но Джека там не было. Потом проверила внизу все вестибюли, тренажерный зал, бассейн и оба ресторана. На обратном пути срывающимся от волнения голосом оставила ему еще одно сообщение.

– Не нашли? – сочувственно спросил администратор, видя, что я вернулась одна.

Я покачала головой:

– Его нигде нет.

– А машина? Она на месте? Можно хотя бы проверить, уехал он или нет.

Я вышла на улицу через парадный вход и зашагала по дорожке на парковку за отелем. Машины на месте не было. Точнее, ее вообще не было. Снова проходить через холл и общаться с администратором не хотелось; войдя через заднюю дверь, я понеслась вверх по лестнице в надежде, что Джек уже в номере, что он вернулся, пока я его искала. Его не было. При виде пустой комнаты я разрыдалась. Раз машины нет, говорила я себе, понятно, почему телефон молчит: Джек никогда не отвечает на звонки за рулем. Но если уж ему так срочно понадобилось ехать в контору, он же мог постучать мне в дверь и предупредить! А если он не хотел мешать моим водным процедурам, так оставил бы записку!

Сходя с ума от неизвестности, я снова набрала его номер и оставила истеричное сообщение: если через десять минут он не объявится, я позвоню в полицию. Конечно, первым делом я бы позвонила Адаму – полиция была крайней мерой. Просто я надеялась, что угроза заставит Джека понять, в каком я состоянии.

Это были самые долгие десять минут в моей жизни. Я уже собиралась набрать номер Адама, как вдруг телефон подал сигнал. Наконец-то! Я с прерывистым вздохом открыла сообщение и при виде имени Джека испытала такое облегчение, что слезы потекли ручьем. Сначала я даже не могла разобрать текст, но это не имело значения, все и так было ясно: его неожиданно вызвали на работу, он не хотел меня пугать и просит прощения, он был на совещании и не мог подойти к телефону, он скоро будет, он меня любит.

Я вытянула из коробочки на столе бумажную салфетку, вытерла слезы, высморкалась и снова взглянула на экран.

«Прекрати истерить, тебе не идет. У меня дела. Увидимся утром».

Я в оцепенении села на постель. Не веря глазам, снова и снова перечитывала эти слова, убеждая себя, что просто не так поняла. Джек не мог писать мне так резко и грубо! Он никогда не говорил в таком тоне, никогда даже голоса на меня не повышал! Лицо горело, словно от пощечины. И почему он не вернется до утра? Разве я не заслуживаю объяснений или, по

крайней мере, извинений?! Меня охватила ярость; трясущимися от гнева пальцами я снова набрала его номер: пусть только попробует не ответить! Он не ответил, и я с огромным трудом удержалась от того, чтобы оставить сообщение, о котором потом пожалею.

Мне срочно нужно было с кем-то поговорить. С изумлением я поняла, что звонить особо некому. Родители? У нас не такие отношения: я не могу рыдать маме в трубку, жалуясь на Джека, бросившего меня в брачную ночь. Друзья? Говорить с ними об этом было как-то стыдно. Раньше я всегда могла довериться Кейт или Эмили, но теперь звонить им было просто некрасиво: на свадьбе я поняла, что после знакомства с Джеком совсем про них забыла. Может, Адам? Вдруг он знает, почему Джека так неожиданно вызвали? Да нет, вряд ли: у них совершенно разные направления. И опять же неловко признаваться, что у моего мужа в брачную ночь нашлись дела поважнее меня.

Вытирая салфеткой слезы, я пыталась рассуждать логически. Если Джек с коллегами на совещании обсуждает деликатные вопросы, то понятно, почему он отключил телефон после первого звонка: не хотел, чтобы ему мешали. Скорее всего, собирался перезвонить мне при первом удобном случае, но встреча неожиданно затянулась. Потом во время короткого перерыва он прослушал мои сообщения и разозлился из-за их тона. Решил ответить тем же – и потому не позвонил, а отправил такое резкое сообщение. К тому же он, наверно, подумал, что я слишком взвинчена, и если он позвонит, то придется меня успокаивать, а это затянется и помешает работе.

Эта версия выглядела вполне правдоподобной. На меня накатило чувство вины: Джек имел полное право сердиться! Я же знала, что его работа плохо совместима с романтическими отношениями; сколько раз нам не удавалось заняться сексом из-за того, что он слишком устал или перенервничал? И сколько раз он извинялся за эти осечки, жалуясь, что работа не позволяет ему отдавать мне себя целиком – ни физически, ни психологически. Я ужасно гордилась тем, что мы ни разу не поссорились, и вот при первой же трудности раскисла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.